

Подходы к освещению ислама в российских телевизионных новостях:

Знакомство с тенденциями и
противоречиями официального
дискурса при Владимире Путине

ДОКЛАД

Профессор Стивен Хатчингс
и доктор Кензи Берчелл
(Манчестерский университет)

Содержание

1. Резюме доклада.....	3
2. Введение: контекст, цели, круг задач, источники	5
3. Ислам, терроризм и Северный Кавказ	8
4. Демократия или революция?	24
5. Мусульмане, миграция и этнический конфликт.....	28
6. Ислам, евразийство и «традиционные ценности»	39
7. Новые мусульмане России	50
8. Заключение	58
9. Приложение	63

1. Резюме доклада

- 1.1. Опираясь на исследовательскую базу, охватывающую период 2006-2014 годов (вплоть до и включая присоединение Крыма), в особенности на середину 2013 года, данный доклад ставит задачу изучить, как новостные выпуски российских государственных телеканалов освещают вопросы, связанные с угрозой исламистского терроризма в России и за ее пределами. Это делается, чтобы пролить свет на разногласия внутри российской политической элиты по поводу того, как отвечать на давление, которому подвергается трещащая по швам российская модель управления многообразием, и чтобы понять, что именно освещение актуальных событий может сказать нам о роли телевидения как посредника между государственной политикой и общественным мнением.
- 1.2. Опираясь преимущественно на продукцию двух главных государственных вещательных компаний, «Первого канала» и канала «Россия», доклад выявляет несколько отдельных, но взаимосвязанных областей для анализа: реакция на растущее исламистское насилие на Северном Кавказе и последствия его распространения в центр России; отношение к исламскому фундаментализму на Ближнем Востоке; связь между исламом и нерусской миграцией; альтернативные способы подачи ислама при формулировании российских национальных ценностей; изображение татарского населения после присоединения Крыма в 2014 году.
- 1.3. Что касается Северного Кавказа, доклад выявил растущий акцент на «исламистское» измерение насилия в Чечне, Дагестане и Ингушетии, что представляет собой явный отход от сложившейся практики. Эта тенденция была связана с переходом от приверженности официальным мультикультуралистским нарративам, подчеркивающим межэтническую гармонию, к популистскому «руссоцентризму», который, в свою очередь, сменился всё более яростным антизападничеством.
- 1.4. Те же антизападные настроения изменили освещение иностранных новостей после «арабской весны». Заняв жесткую позицию по отношению к опасности джихадизма на Ближнем Востоке, «Первый канал» и «Россия» неоднократно связывали это явление с ошибками, противоречиями, цинизмом и лицемерием западной внешней политики. Однако оба канала были вынуждены продвигать значительно более тонкую и неоднозначную линию при освещении беспорядков в Турции, где секулярное, прозападное движение угрожало позициям консервативного исламского (но в широком смысле демократического) режима.
- 1.5. Антимигрантская кампания, которая охватила российское общественное пространство в 2012-2013 годах, была лишена подобной тонкости. Уровень враждебности, неприятия и подозрительности в адрес мигрантов из Центральной Азии и с Северного Кавказа, который можно было наблюдать в

согласованной серии программ на всех государственных телеканалах, вышел далеко за пределы официального дискурса, продолжавшего воспроизводить мультикультурные мантры предшествующих лет, но при этом также подчеркивавшего новые миграционные ограничения и взыскания в ответ на проступки мигрантов. Частично такое расхождение объясняется почти полным отсутствием редакционных правил освещения межэтнических отношений в России и, соответственно, неограниченной свободой проявления журналистских предрассудков. Также это связано и с тем, что телевидение намеренно используется как платформа для выражения наиболее крайних популистских взглядов, а Кремль затем демонстрирует, что признает и сдерживает эти взгляды, что усиливает его авторитет и доверие к нему.

1.6. Впрочем, мощный антиисламский мотив в этой кампании пересекался с тремя вступающими в противоречие дискурсивными потоками. Эти потоки: изоляционистский национализм, воплощенный в лозунге «Россия для русских»; мессианизм, изображающий Россию мировым светочем консервативных христианских ценностей; евразийство, в котором неизбежное принятие особой тесной связи России с восточной, мусульманской традицией, тем не менее, резко отличается от радикального сепаратистского исламизма, которому потакают в либеральных западных обществах.

1.7. Противостояние принципу «толерантности», который видится как признак общего морального упадка Запада, особенно ярко было представлено в первом двух потоках (изоляционистско-националистическом и христианско-мессианском), каждый из которых имеет своих поборников в СМИ. Это противостояние укладывается в более широкий дискурс «столкновения цивилизаций», в котором политических и духовных лидеров России призывают оспорить отказ Запада дать отпор девиантному поведению мигрантов (преимущественно мусульман). Отказываясь от предубеждения, открыто опирающегося на биологические различия, дискурс столкновения цивилизаций сближает российские СМИ с «новым», или «культурным», расизмом, который также теперь распространен в западных странах.

1.8. Однако отсутствие привязки к национальности в культурном расизме означает, что в России он может внести вклад в растущую ксенофобию более общего толка, в которой мигранты, мусульмане, политические и социальные либералы, представители Запада и люди «нетрадиционной сексуальной ориентации» становятся частью единого образа чуждого Другого. И тон в этом процессе задают именно телевизионные фигуры, а не официальные заявления политиков.

1.9. Все эти тенденции усилились в новостных выпусках и освещении событий, связанных с присоединением Крыма и его последствиями. Однако отношение к затруднительному положению крымских татар показало раскол между двумя тенденциями: во-первых, стремлением подчеркнуть близость

крымских татар к исламскому экстремизму и одновременно к прозападному движению «Евромайдан»; во-вторых, стремлением изобразить татар «новыми мусульманами России» и одним из основных источников статуса Крыма как воплощения российской мультикультурной гармонии. С учетом растущего татарского противостояния действиям России в Крыму в настоящее время преобладает первая из этих тенденций.

- 1.10. В ходе нашего анализа государственное телевидение продолжало предоставлять площадку, на которой воплощались выявленные нами противоречия дискурса. Несмотря на почти полную однородность освещения продолжающегося украинского кризиса в российских официальных новостях, эти противоречия формируют освещение и могут быть выявлены в нем в скрытой форме, при этом они могут вновь выйти на поверхность в ближайшем будущем.

2. Введение: контекст, цели, круг задач, источники

Данный доклад получил финансовую поддержку Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук (AHRC) и представляет собой результат работы, выполненной в Манчестерском университете в рамках трех пересекающихся исследовательских проектов (все три получили поддержку Совета) и охватывающей в общей сложности восемь лет (2006-2014 годы). У каждого проекта был свой предмет исследования, но все они в той или иной степени касались освещения российскими телевизионными новостями вопросов, связанных с внутрироссийскими и международными аспектами ислама. Подавляющая часть материала, на который опирается данный доклад, относится к двум последним проектам и охватывает 2010-2013 годы, причем особое внимание уделено середине 2013 года. Все проекты ставили задачу сравнения и помещали российское освещение изучаемых вопросов в европейский контекст, обращая особое внимание на новостные выпуски каналов BBC1 и France 2. Для целей данного доклада мы в основном ограничимся Россией.

Нашим основным методом был анализ данных на основании каталогов новостных сюжетов, для которых были отмечены продолжительность и место в новостном блоке и которые кодировались в соответствии с главной темой. Описательная статистика на основе этих данных затем дополнялась подробным анализом ряда конкретных примеров (ключевых сюжетов каждого периода). В этом анализе мы сосредоточились на том, как государственные телекомпании России решают следующие вопросы: освещение внутренних межэтнических противоречий, имеющих мусульманский аспект (в том числе противоречий, связанных с миграцией и подъемом исламского фундаментализма на Северном Кавказе и в других регионах); освещение террористических актов, совершенных во имя ислама в неспокойном регионе

Северного Кавказа, в крупных российских городах и в других странах (включая взрыв на бостонском марафоне в апреле 2013 года, убийство Ли Ригби в лондонском районе Вулич в мае 2013 года и продолжающийся кризис в Сирии); описание статуса ислама как одной из четырех «официальных конфессий» России и как важной составляющей евразийской повестки, которую продвигает режим Путина.

Мы сделали записи программ двух главных российских государственных телеканалов («России» и «Первого канала») и в данном докладе будем ссылаться на оба канала. Во второй части нашего анализа основное внимание было уделено продукции «Первого канала» и, в частности, главному вечернему выпуску новостей – программе «Время». Это было отчасти продиктовано практическими соображениями, а отчасти тем, что «Первый канал» – телекомпания, наиболее тесно связанная с кремлевским мышлением. Кроме того, русскоязычные зрители, живущие за пределами России, смотрят его программы более активно, чем программы других каналов. Таким образом, есть основания воспринимать именно «Первый канал» как «голос правительства за рубежом», что важно, если телевидение интересует нас как индикатор официального мышления Кремля по вопросам, связанным с исламом. Мы сделали две группы записей: первая охватывает период с сентября 2010 года по август 2012 года (три месяца записи сменялись трехмесячным перерывом), а вторая – двухмесячный период с мая по июль 2013 года (велась ежевечерняя запись). В более длительный период было записано в общей сложности 9352 сюжета, из которых 654 были кодированы как касающиеся межэтнических отношений. Более короткая порция записей включает 812 сюжетов, из которых 105 касались ислама или мусульман. При необходимости мы также делаем отсылки к более ранним записям из непрерывного двухгодичного блока, включающего каждый вечер с ноября 2006 года по октябрь 2008 года и насчитывающего в общей сложности 30846 сюжетов, из которых 2781 были классифицированы как относящиеся к исламу. На вебсайте «Первого канала» доступен исчерпывающий архив выпусков программы «Время» с полными стенограммами всех сюжетов каждого выпуска. Нам удалось воспользоваться этими записями и аналогичным архивом на сайте программы «Вести» при подробном анализе отдельных тем.

В рамках нашего исследования мы также провели интервью с 16 видными тележурналистами. Они преимущественно работают на «Первом канале» и канале «Россия», а также на НТВ и в двух независимых телекомпаниях. Среди них были ключевые фигуры российского телевидения: Дмитрий Киселев, заместитель генерального директора ВГТРК (2008-2012 годы), ведущий одной из наиболее популярных российских новостных телепрограмм «Вести недели» (с августа 2012 года), директор нового информационного агентства «Россия сегодня» (с декабря 2013 года); весьма неоднозначный журналист канала «Россия» Аркадий Мамонтов; известный ведущий и политический комментатор «Первого канала» Максим Шевченко. Они с

радостью разрешили нам назвать их имена в этом докладе. Как и следовало ожидать от сотрудников российского государственного телевидения, они верны правительству и выступают в роли проводников государственной политики. При этом они яркие личности, чьи полурадикальные взгляды играют важную роль в поддержании зрительских рейтингов. В ходе наших интервью стало ясно, что их личные взгляды и интересы имеют значительное влияние на то, что они говорят и показывают на экране. Они далеко не просто пассивные глашатаи своих политических господ.

В этом докладе мы рассматриваем новостные записи, чтобы увидеть, что они нам говорят о состоянии российских государственных СМИ, и определить, какое представление они могут дать о тенденциях и противоречиях в рамках официального дискурса путинской России о внутренней и международной политике. Наш новостной материал используется для достижения следующих сопутствующих целей:

- Дать представление о том, как Россия реагирует на проблемы, вызванные усилением миграции населения, снижением доверия к моделям управления многообразием на основе мультикультурализма и подъемом исламистского экстремизма и терроризма;
- Определить, что выявленные нами расхождения между государством и телекомпаниями говорят о функции телевидения как государственного инструмента и о его роли в формировании общественного мнения;
- Изучить, что различия между отдельными телекомпаниями в освещении вопросов, связанных с исламом, и спектр мнений, отраженных в сюжетах, могут сказать о разногласиях внутри российской политической элиты и о состоянии плюрализма и гражданского общества при Владимире Путине;
- Предложить анализ вопросов, связанных с освещением событий, в которых пересекаются ислам, межэтническое согласие и вопросы национальной и международной безопасности.

Мы должны подчеркнуть, что авторы данного доклада не являются политологами или социологами. Мы в первую очередь специалисты по российским СМИ. Соответственно, мы сосредоточили внимание не на самих событиях (например, подъем джихадизма на Северном Кавказе; тонкости и движущие силы изменений в кремлевской политике), а на том, какой свет их *подача* в новостных выпусках государственных каналов может пролить на описанные выше сферы интересов.

3. Ислам, терроризм и Северный Кавказ

Прежде чем начать обсуждение изученных нами подробностей освещения новостей, следует поместить его в контекст освещения журналистами смежных вопросов. Для этого обратимся к двум наборам статистических данных. Первый опирается на обширный свод данных, охватывающий 2010-2012 годы, и дает более общий обзор освещения тем, связанных с межэтническими различиями, включая события с участием мусульман. Второй опирается на меньший по объему свод (май-июль 2013 года) и позволяет нам оценить освещение новостей, касающихся непосредственно ислама или мусульман, и разбить эти новости по подтемам. Поскольку тема сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе занимала важное место в обоих сводах данных, мы представим краткий обзор двух комплектов записей в начале этого раздела, а затем более подробно рассмотрим Северный Кавказ.

2010-2012

Главное впечатление от более раннего свода данных заключается в том, что значение межэтнических отношений для политической повестки правительства и для общественного мнения не нашло должного отражения в подходах к освещению новостей. Сюжеты, кодированные как релевантные, включая те, что касаются исламистского терроризма на Северном Кавказе, составляли лишь небольшую долю всего потока новостей на обоих каналах (6% и 8% соответственно), как показано на рисунке 1, и с точки зрения частоты (числа сюжетов), и в плане интенсивности освещения (времени).

Более того, значительная часть сюжетов о межэтнических отношениях – это освещение ситуации в других странах (в частности, миграции и насильственных конфликтов). Это косвенным образом сглаживает впечатление, что Россия испытывает необычайный всплеск межэтнических противоречий (рисунки 2 и 3). Именно по этой причине сюжеты на международные темы занимают такое же видное место в программе «Вести», ориентированной на внутрироссийскую аудиторию, как и в программе «Время».

Российское телевидение вынуждено было отвечать шквалом спутанных и противоречивых сообщений на непредвиденные кризисы, такие как беспорядки на Манежной площади в 2010 году. При этом на улицах российских городов совершалось угрожающее число преступлений на почве национальной нетерпимости (по данным информационно-аналитического центра «Сова»). В этом контексте скудное эфирное время, выделявшееся до этих кризисов на вопросы межэтнических отношений внутри страны, указывает на то, что Кремль испытывал трудности с противоречиями

собственной политики национального строительства¹. В рамках этой общей картины, однако, заметно выделялась тема сепаратизма и насилия на Северном Кавказе, она постоянно освещалась одной из первых в новостном блоке, что говорит о ее относительной важности. Такое выделение имело место, по крайней мере, в программе «Время», которая более тесно, чем «Вести», следует кремлевской линии и которая в данном случае стремилась подчеркнуть эту линию применительно к особо сложной проблеме. Как видно из рисунка 4 (который отражает число сюжетов в каждой категории кодирования для обоих каналов), более 40 сюжетов, имеющих отношение к Северному Кавказу, присутствовали среди первых трех тем в выпусках программы «Время» в течение записанного нами периода. При этом все остальные категории на обоих каналах набрали менее 25 сюжетов из числа первых трех новостей выпуска.

Теперь остановимся подробнее на противоречиях. С одной стороны, Кремль в течение большей части записанного периода был довольно последователен в продвижении образа многонациональной гармонии и подчеркивал этническое многообразие как источник силы страны. Неудивительно, что это подчеркивалось и в новостных выпусках. Например, в одном из выпусков программы «Время» в июле 2011 года были процитированы слова Владимира Путина о том, что «толерантность у нас в крови», и его фраза, подчеркнувшая историческую уникальность России в вопросе этнических отношений:

Нигде на планете на одной территории не проживает более 180 народностей и этносов, причем все эти народности не пришлые, <...> а проживающие на территории страны исконно².

С другой стороны, уверенность, которую излучают эти заявления, не подкрепляется уровнем новостного освещения межэтнических отношений. Этот уровень заметно снижался в сложной политической обстановке. В мае 2012 года, то есть в месяц президентской инаугурации Путина, он достиг самой низкой точки и составлял лишь 4,15%. Перед этим в течение всей предвыборной кампании средства массовой информации в основном воздерживались от сюжетов на данную тему. Как было отмечено в наших интервью³, корреспонденты получили инструкции в определенные

¹ Информационно-аналитический центр «Сова», 30 декабря 2010 года, <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/12/d20663/>; 30 декабря 2011 года, <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/12/d23370/>; 29 декабря 2012 года, <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/12/d26147/> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

² «Время», 19 июля 2011 года: <http://www.1tv.ru/news/social/180914> (последнее посещение: 10 января 2015 года). Во всех последующих ссылках на выпуски новостей указаны дата и название программы. Доступ к оригинальным материалам можно получить в размещенных в сети Интернет архивах двух главных государственных каналов: «Первого канала» и канала «Россия». В архиве «Первого канала» поиск осуществляется по дате, а в архиве канала «Россия» – по теме.

³ Интервью с журналистом канала «Россия», 29 марта 2013 года; с журналистом «Первого канала», 29 января 2013 года; с журналистом НТВ, 31 января 2013 года.

периоды не освещать провокационные вопросы, включая и межэтнические отношения.

Недостаточное освещение этнических вопросов отчасти связано с неразрешенными противоречиями, которые проистекают из статуса Российской Федерации как многонационального и многоконфессионального государства. Русские националисты традиционно представляют этнических русских как маргинализированную государством группу, а другие национальности как привилегированные группы, но наш анализ частотности употребления слова «*русский*» показывает, что государственные СМИ далеки от пренебрежения ко всему русскому, к русскому языку или русской культуре⁴. На самом деле контекст словоупотребления подтверждает, что русский язык, русская культура и Русская православная церковь наделены недвусмысленной ролью главной связующей силы в Российской Федерации. Роль же государства как ключевого фактора в создании *российской* национальной общности не оспаривается на протяжении всего путинского периода. В интервью, которое нам дал звезда «Первого канала» Максим Шевченко, он следующим образом выразил свою задачу в деле урегулирования раздвоенности, лежащей в основе Российской Федерации:

У нас народа больше, чем в Европе в целом. Но, в отличие от Европы, которая не знала единого государства со времен Римской империи, Россия всегда была единым государством. Поэтому наша задача – как сохранить, как создать единую политическую нацию при сохранении многообразия народов России и дать им возможности развиваться внутри этой страны. Я считаю, что (нам) подходит американская модель, только не до конца. Америка создавалась снизу: от общины к государству, а мы вынуждены идти в обратном направлении. Сначала было государство, а теперь мы думаем о том, как включить в него общину⁵.

Другие религии, помимо православия, получали минимальное внимание. Религиозное многообразие России, о котором периодически напоминает кремлевский дискурс, было слабо отражено в нашей коллекции записей. Задача продвижения многоконфессиональной гармонии была вторична по сравнению с необходимостью подчеркнуть центральное место православия в настоящем и будущем России. И действительно, само слово «многоконфессиональный» было использовано только шесть раз в течение всего записанного периода, что говорит о едва уловимом расхождении между официальной риторикой Кремля и риторикой государственных

⁴ Слово «русский» фигурировало 1483 раз в расшифровках выпусков записанного нами периода. Использование этого термина было очень последовательным. Он появлялся преимущественно в контексте культуры и литературы. Ассоциации с церковью и религией были также в целом многочисленны. И напротив, слово «российский» фигурировало несколько реже (1035 раз) и преимущественно в более официальном контексте. Наиболее часто оно использовалось в сочетании со словами «Российская Федерация», «политика», «дипломатия» и «многонациональное российское государство».

⁵ Интервью, 3 апреля 2013 года.

телевизионных новостей, а также о противоречиях в позиции самого Кремля по религиозным вопросам.

Ислам занимал в новостях несколько менее периферийное положение. В рамках официального дискурса при описании мультикультурной сущности России подчас используются отсылки к столетиям мирного сосуществования православия и ислама. Эта линия особенно явно проявилась в освещении празднования мусульманских религиозных праздников в Москве. Освещая один из таких праздников в сентябре 2011 года, «Вести недели» представили краткую историю жизни «мусульманской общины» в Москве, подчеркнув, что она началась в XIV веке, и отметив, что сегодня в России живет около 20 миллионов мусульман⁶.

Тем не менее, в целом освещение ислама оставалось ограниченным, в особенности в программе «Время» (шесть сюжетов). Программа «Вести» представила двадцать один сюжет, многие из которых были посвящены тому, как отмечались религиозные праздники в преимущественных мусульманских регионах России – в Татарстане и на Северном Кавказе. Как и в случае православия, распространенной темой было выставление реликвий, почитаемых верующими. В сентябре 2011 года, например, «Вести» сообщили о прибытии в чеченскую столицу Грозный чаши пророка Мухаммеда⁷. Такие параллели помогали создавать образ гармоничного сосуществования православия и ислама в России. Образ гармонии, отражающий официальную риторику и соответствующий идеям евразийства, подкреплялся характеристикой «исторически традиционной» для России формы ислама как «умеренной и мирной». Согласно одному из сюжетов программы «Вести», распространение исламского образования, опирающегося на коренные религиозные традиции страны, – это наилучший способ «идеологически противостоять радикализму и экстремизму», проникающим в Россию из-за рубежа⁸.

Если не считать крупных террористических актов в центральной части России, ислам редко фигурировал в репортажах о насилии на Северном Кавказе, а если и делались отсылки к нему, то в основном для того, чтобы опровергнуть значение религиозных факторов в этих событиях. В записанный период отсутствие межконфессиональной гармонии подчеркивалось преимущественно в связи с Западной Европой, обычно в контексте сюжетов, которые мы отнесли в категорию «Миграция». Эти сюжеты указывали на растущую исламофобию общества в ответ на политику мультикультурализма западных правительств, которая неизменно преподносилась как

⁶ «Вести недели», 4 сентября 2011 года: <http://vesti7.ru/news?id=27663> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁷ «Вести недели», 25 сентября 2011 года: <http://vesti7.ru/news?id=28243> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸ «Вести недели», 20 ноября 2011 года: <http://vesti7.ru/news?id=29983> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

провальная⁹. Ситуация существенно изменилась после окончания записанного нами периода. Как показывает наш второй свод данных, в первые восемнадцать месяцев президентского срока Путина оба канала начали представлять сам ислам в негативном свете при обсуждении событий в Западной Европе. Размывая границу между радикальным исламом и исламом, «Вести» также стали включать этот негативный образ ислама в свою интерпретацию событий в России.

Среди таких событий одним из самых значимых, разумеется, были действия сепаратистов на Северном Кавказе, и, как мы увидим, тема радикального исламизма стала доминировать в освещении Северного Кавказа в нашем втором свode данных. В более ранний период тема международного терроризма время от времени тоже всплывала, но многие из инцидентов с применением насилия на Северном Кавказе освещались не как примеры террористической деятельности, а как преступления, акты саботажа и бандитизма, с которыми борются органы правопорядка. Прямые отсылки к этнической принадлежности и религии были редки, а рассказы об антиимперской риторике и сепаратистских амбициях еще реже. Термин «сепаратист» во всех его контекстах – российском и международном – во всем исследовании встретился только 28 раз. Когда всё же обсуждались причины и мотивы, на передний план выносились экономические и социальные факторы, а не исламистские или политические аспекты. Если признавалась связь между исламом и сепаратистским насилием, то термин «ваххабит» с его отчетливо иностранным (саудовским) происхождением (11 упоминаний) предпочитали термину «исламист» (0 упоминаний). Отсылки к связи лидеров повстанцев с «Аль-Каидой» и к глобальной войне против терроризма делались изредка и мимоходом. Это соответствует тенденциям, наблюдавшимся в период с 2006 по 2008 год в рамках более раннего проекта¹⁰. Там тоже систематическое умалчивание целей сепаратистского движения в период, когда радикальное исламистское влияние на это движение постепенно росло, только подчеркивало параноидальный страх Кремля, что признание истинных мотивов повстанцев верными ему телеканалами может придать легитимность этим мотивам и создать впечатление, что Кремль утратил контроль над ситуацией.

Отсутствие информации об исторических предпосылках и пояснительного анализа в сюжетах о террористических актах на Северном Кавказе вышло за рамки простого табу на рассмотрение заявленных целей преступников. В этих сюжетах очень много технических терминов из лексикона военных операций, говорится о боеприпасах и жертвах, выраженных безликими цифрами, но нет контекста. «Боевиков», «преступников» и «террористов» регулярно «устраняли», «уничтожали», «ликвидировали», «нейтрализовывали» и арестовывали спецподразделения

⁹ «Вести недели», 2 августа 2011 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=527062> и 21 апреля 2011 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=446867> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰ Flood at al., *Islam, Security and Television News*, pp. 32-40; 118-19.

Национального антитеррористического комитета. Постоянная угроза неопределенного происхождения, которую представляли боевики, неизменно уравнивалась столь же постоянным авторитетом, решительностью и превосходящей силой режима, который поочередно отвечал на каждую кризисную ситуацию. Представляя характерно противоречивый сюжет в мае 2011 года, диктор программы «Время» заявил, что «в нашей стране, особенно на Кавказе, чуть ли не каждую неделю происходят нападения боевиков, несмотря на то, что в целом ситуацию власти держат под контролем»¹¹. Описанные далее события представляли собой разрозненную череду отдельных автономных эпизодов, почти не связанных с другом и не привязанных к какой-либо внешней хронологии.

Подход программ «Время» и «Вести» характерен не только для российских телекомпаний. В новостных репортажах по всему миру (BBC представляет собой заметное, но далеко не типичное исключение) при освещении войн обычно дается скудный анализ обстоятельств, при которых вспыхнул конфликт, и мотивации его участников¹². В частности, в дискурсе о международном терроризме угроза представляется как серьезная, неопределенная и не имеющая мотива, но при этом она никогда не бывает настолько велика, чтобы ее не смогло полностью сдержать государственная сила¹³. Однако для российского государства особую ценность имеет потенциал легитимации, который предлагает демонстрация такой силы. Это было отражено в наших данных о порядке сюжетов в новостном блоке. Согласно российским новостным журналистам, среди которых журналист «Первого канала», опрошенный нами, первые три сюжета являются определяющими при формировании новостной повестки дня¹⁴. В российском контексте в первую тройку обычно входят крупные внутренние и иногда международные происшествия, а также события, встречи и официальные поводы с участием государственных лидеров. Тот факт, что сюжеты, отнесенные к категории «Сепаратистское насилие на Северном Кавказе», попадали в главную тройку сюжетов «Времени» гораздо чаще, чем сюжеты из других категорий для программ «Время» или «Вести», является четким индикатором их значения для главного государственного телеканала России (см. рисунок 4). Более того, для программы «Время» «Сепаратистское насилие на Северном Кавказе» было доминирующей категорией по всем трем критериям анализа (частота, интенсивность и выделенность). Например, по интенсивности эта категория заняла 24% совокупного освещения нашей темы (см. рисунок 5). Для «Вестей» соответствующий показатель составил всего 9% (см. рисунок 6).

¹¹ «Воскресное время», 29 мая 2011 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/177525> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹² См., например: Richard Jackson, *Writing the War on Terrorism: Language, Politics and Counter-terrorism*, Manchester: Manchester University Press 2005.

¹³ Там же.

¹⁴ Интервью, 29 января 2013 года.

Наиболее значительным событием в категории «Сепаратистское насилие» был взрыв в североосетинском городе Владикавказе 9 сентября 2010 года, в результате которого погибли около двадцати и были ранены более ста человек. Оба канала избегали упоминаний о национальности террориста-смертника или рассуждений о его мотивах. Вместо этого сюжеты дали фактические подробности того, что произошло, привели количество жертв и уделили много внимания эффективной работе властей. Даже говоря в конечном итоге о личностях террористов (у которых мусульманские по звучанию имена), корреспонденты не комментируют национальную принадлежность и не поясняют цели группы¹⁵.

В сюжете о Владикавказе, как и во многих других сюжетах из той же категории, диктор сделал акцент на упрощенном изложении технических деталей операции спецназа. Однако во многих случаях сопутствующие кадры ясно (хотя, возможно, и не преднамеренно) раскрывали этнический и религиозный подтекст произошедшего. В длинном сюжете программы «Вести» подробно говорилось о масштабной спецоперации в Ингушетии в марте 2011 года и утверждалось, что российские силы захватили террористов, связанных с организацией теракта в аэропорту Домодедово в январе 2011 года, в результате которого погибло около сорока человек¹⁶. Как обычно основной акцент был сделан на суровости и решительности властей, а национальную принадлежность преступников обошли молчанием. Однако рассказ корреспондента дополнялся кадрами с изображением Корана и людей, чьи длинные бороды и строгая мусульманская одежда вызывали ассоциации с «Аль-Каидой», отчего отказ телекомпании озвучить цели и требования террористов казался тем более любопытным и противоречивым. Противоречия усугубились, когда вскоре после этого сюжета о масштабной контртеррористической операции программа «Время» выпустила воскресный репортаж об Ингушетии, представив образ республики, спокойствие и стабильность в которой являются «результатом постоянных и успешных спецопераций»¹⁷.

Акцентирование этнической составляющей некоторых конфликтов и игнорирование роли межэтнических факторов в других представляют собой часть того, что Кэролайн Нордстром назвала «политикой (не)видимости» в своем исследовании о постконфликтных странах¹⁸. Нордстром пишет, что в этих странах имеет место дотошное, но противоречивое редактирование новостей, связанных с насилием, в

¹⁵ «Время», 13 сентября 2010 года, <http://www.1tv.ru/news/other/161046> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

¹⁶ «Вести», 30 марта 2011 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=440557> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁷ «Воскресное время», 10 апреля 2011 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/174419> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁸ Carolyn Nordstrom, *Shadows of War: Violence, Power and International Profiteering in the Twenty-First Century*, Los Angeles and London: University of California Press 2004.

результате которого ключевые аспекты насилия или актуализируются, или подавляются в зависимости от политических интересов. На Северном Кавказе можно одновременно наблюдать обе стратегии. Так, с одной стороны, согласно обобщенной пропаганде нормализации, которая преобладала в новостном освещении региона государственными телеканалами с середины и конца 2000-х¹⁹, вмешательство России в ситуацию на Северном Кавказе в итоге принесло мир и благосостояние. С другой стороны, отдельные сюжеты об Ингушетии неявно подают сигнал, что радикальный ислам остается реальной угрозой, хоть и угрозой, которую отслеживают и сдерживают силы специального назначения, чья постоянная боеготовность – залог безопасного будущего России²⁰.

Примерно с начала 2011 года, когда произошел шокирующий взрыв в аэропорту Домодедово, мы начинаем наблюдать медленный и постепенный сдвиг в расстановке акцентов. После обстоятельного освещения этого события в международных СМИ стало сложнее полностью замалчивать угрозу, исходящую от радикального исламизма на Северном Кавказе. Сюжеты о взрыве в аэропорту Домодедово изобиловали зловещими образами чеченской «черной вдовы», или шахидки, участвовавшей в совершении теракта (две «черные вдовы» совершили теракт в московском метро в марте 2010 года; с октября по декабрь 2013 года шахидки оказались связаны с несколькими взрывами, потрясшими транспортную систему Волгограда). И хотя государственные СМИ вновь пытались вписать России в глобальную «войну с терроризмом» (эти попытки периодически предпринимались после теракта 11 сентября 2001 года), данная стратегия вынуждена была в этот период сосуществовать с противоположной стратегией, которая умалчивала о роли идеологии джихада и изображала Северным Кавказ как регион, проходящий длительный, но успешный процесс нормализации²¹.

К концу нашего первого периода количество упоминаний исламистского экстремизма на Северном Кавказе постепенно росло. За этим последовала настоящая лавина нагнетающих страх сюжетов на каналах «Россия» и НТВ в 2012 и 2013 годах, которые увязали проблему нелегальных мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге с джихадистскими группировками с Северного Кавказа и из Азербайджана, планирующими теракты в российских городах²². В высшей степени осторожный «Первый канал» не так явно, как два его конкурента, уступил соблазну антиисламистской линии. Так, например, он сопроводил сообщение о серии арестов в

¹⁹ Christopher Flood, Stephen Hutchings, Galina Miazhevich and Henri Nickels, *Islam, Security and Television News*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012: 125.

²⁰ Об угрозе радикального исламизма в Ингушетии см.: Galina Yemelianova, ed., *Radical Islam in the Former Soviet Union* (London: Routledge, 2010), p. 62-81.

²¹ Более подробно о противоречии между этими двумя стратегиями см.: Flood, Hutchings et al, pp.120-21; 185-89.

²² См. главы 4 и 9.

Санкт-Петербурге в марте 2013 года аккуратно сформулированным напоминанием специалиста-исламоведа о том, что опасность, которую представляют арестованные, «именно в том, что они разрушают основы традиционного ислама, размывают его и вовлекают наших мусульман в некие непонятные экстремистские организации»²³.

В дополнение к новому критическому вниманию, направленному на «миграцию» с Северного Кавказа (и из других регионов), которое наблюдалось в конце 2012 года и в течение 2013 года, в целом негативное отношение к исламу в контексте Северного Кавказа было также особенно заметно в череде сюжетов о строительстве большой мечети в Москве и о ношении хиджаба в Ставропольском крае – регионе, который преимущественно населен русскими. Ставропольские сюжеты привлекли особое внимание, поскольку в них журналисты сосредоточились на давлении, которое оказывалось на загнанных в угол русских учителей, храбро противостоящих волне местного исламизма и настаивающих, что ученицы их школ должны снять свои хиджабы, поскольку их ношение нарушает школьную форму одежды²⁴. Только с декабря 2012 года по март 2013 года мы насчитали 10 отдельных репортажей на эту тему в программах «Время» и «Вести». Анализ текстов этих репортажей при помощи программы NVivo выявил 40 словосочетаний со словом «хиджаб».

Проблема хиджаба получила широкий резонанс в средствах массовой информации. Главный вечерний выпуск популистского канала НТВ посвятил ей столько же репортажей, сколько за тот же период «Время» и «Вести» вместе взятые (10), упомянув хиджабы примерно столько же раз, что и оба канала (38). Это частично объясняется связью этой проблемы с другим вопросом, который мы затронули в рамках нашего более давнего проекта. В ходе него изучалось освещение ислама на европейском телевидении, и мы обратили внимание на череду репортажей «Первого канала» в 2007 году, где рассказывалось о скоординированной попытке отдельных представителей местного мусульманского населения Ингушетии запугать этнических русских, преимущественно школьных учителей, и заставить их покинуть регион²⁵. Конфликт по поводу хиджаба создавал новую почву для страхов и растущего ощущения, что Россия вот-вот может потерять Северный Кавказ. Впрочем, предполагалось, что масштабное медийное событие в регионе, а именно зимние Олимпийские игры в Сочи, помогут развеять это ощущение.

²³ «Время», 4 марта 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/227718> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

²⁴ «Вести недели», 21 октября 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38084>; «Время», 21 октября 2012 года: <http://www.1tv.ru/news/social/218107> (последнее посещение: 10 января 2015 года). См. также другой сюжет программы «Время», 23 октября 2012 года, на ту же тему: <http://www.1tv.ru/news/leontiev/218271> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

²⁵ См.: Flood, Hutchings et al, p.120.

К концу 2012 года из большинства новостных репортажей на канале «Россия» исчезли существовавшие ранее ограничения на подчеркивание остроты складывающейся на Северном Кавказе ситуации, хотя «Первый канал» сохранил привычную сдержанность. Особенно характерным алармизм стал для «Вестей недели». Ведущий Дмитрий Киселев гордо сообщил нам в интервью, что под его руководством в декабре 2012 года создатели программы «инсценировали фактически» тему миграции выходцев с Северного Кавказа в Ставропольский край²⁶. В частности, выпуск от 9 декабря включал серию ярких сцен из жизни Ставрополья. Ведущий программы говорил об «экспансии» выходцев с Северного Кавказа в этот регион, населенный преимущественно этническими русскими. Согласно репортажу, русские жители систематически подвергаются притеснениям со стороны выходцев с Северного Кавказа, которые прибегают к насилию и даже убийствам, чтобы захватить их землю и собственность. В репортаже говорилось, что результатом стал массовый исход этнических русских из Ставрополья. Утверждалось, что в предшествующие десять лет сложилась «ошеломляющая» ситуация. При этом ведущий сослался на переписи 2002 и 2010 годов, согласно которым доля этнических русских в регионе снизилась всего на 1,5% и которые не подтверждают столь драматичную оценку. Вторя кремлевской линии о врагах России, которые хотят добиться ее распада, и опираясь на концепцию западного заговора, репортаж намекал, что западные спецслужбы приложили руку к событиям на Ставрополье, поскольку западные правительства якобы заинтересованы в отделении Дагестана от России²⁷.

Как и в освещении вопросов миграции в Европе, (радикальный) ислам сыграл заметную роль в том, как программа «Вести недели» подавала «внутреннюю миграцию» на Ставрополье. Приводилось эмоциональное восклицание местного муфтия: «Я один, как в поле воин [против радикального ислама], который простреливается во всех сторон»²⁸. Формируя представление о собственных взглядах

²⁶ Интервью с Киселевым, 27 марта 2013 года.

²⁷ «Вести недели», 9 декабря 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38903> (последнее посещение: 10 января 2015 года). Мамонтов также посвятил сходным вопросам один из выпусков «Специального корреспондента», озаглавленный «Проект Кавказ» (5 февраля 2013 года). См.: <http://www.youtube.com/watch?v=98jlrwkPDig> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

²⁸ «Вести недели», 9 декабря 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38903> (последнее посещение: 10 января 2015 года). Хотя в некоторых регионах Северного Кавказа воинствующий исламизм появился в конце 1980-х, в 2012 и 2013 годах программы «Вести» и «Время» представляли его как новое явление. См. также: «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/233810> (последнее посещение: 10 января 2015 года). О радикальном исламизме в России и других странах бывшего Советского Союза см.: Galina Yemeljanova, ed., *Radical Islam in the Former Soviet Union* (London: Routledge, 2010). О том, как текущие медийные, политические и академические дискурсы о «радикальном исламе» в Западной Европе и Северной Америке опираются на давнюю европейскую традицию создания негативных стереотипов об исламе и мусульманах, см.: Elisabeth Poole and John Richardson, *Muslims and the News Media* (London: I.B. Tauris, 2006); Kai Hafez, ed., *Islam and the West in the Mass Media: Fragmented Images in a Globalizing World* (Cresskill: Hampton Press, 2000); Richard Jackson, 'Constructing Enemies: "Islamic Terrorism" in Political and Academic Discourse,' *Government and Opposition*, 42, 3, 2007, pp. 394-426; Flood, Hutchings, Miazhevich and Nickels, *Islam, Security and Television*.

журналистов и понимание того, как СМИ воспринимают общественные настроения, важно отметить, что в апреле 2013 года канал РЕН ТВ предложил столь же угрожающее изображение «экспансии ислама и его ценностей» в южных регионах России. Утверждая, что большинство этнических русских в регионе по понятным причинам «очень напуганы», журналист «Репортерских историй» на РЕН ТВ еще меньше, чем ведущий «Вестей недели», был склонен проводить различия между «традиционным, умеренным» исламом России и «плохим» радикальным исламом, ввезенным из-за рубежа²⁹.

Таким образом, для материалов 2010-2012 годов характерны следующие основные черты: (i) заметная «исламизация» освещения Северного Кавказа, начиная с 2011 года; (ii) относительная однородность тона по всему спектру новостных материалов (от «Первого канала» до РЕН-ТВ); (iii) активная роль видных медийных фигур, таких как Дмитрий Киселев, в продвижении этой линии (иногда наперекор официальному дискурсу Кремля).

Май-июль 2013 года

Два месяца нашего второго, более короткого, периода записей, по всей вероятности, свидетельствуют о дальнейшем усилении внимания к вопросам, связанным с исламом. И хотя нельзя – в силу размера и содержания – напрямую сопоставить два свода данных, ясно, что 14% новостного времени, которые программа «Время» посвятила исламу в мае-июне 2013 года (см. Рисунок 7), примерно два раза превышает то время, что было посвящено этой же теме в программе «Время» (5,9%) и в программе «Вести» (7,5%) в течение всего предшествующего периода. Показатели частоты близки (12% по сравнению с 6,5% и 7,5% соответственно). Примерно 30% новостей, связанных с исламом, попали в первую тройку сюжетов выпуска, а это намного больше, чем два сюжета о «других религиях» на канал за весь период, что мы наблюдали в более раннем своде данных (см. рисунки 4 и 8 соответственно).

Как показывают рисунки 9 и 10, резкий рост, вероятно, в значительной степени обусловлен тем, что два месяца, на которых мы сосредоточились, совпали с высокой концентрацией мировых событий, связанных с сирийским кризисом, народными волнениями в Турции и Египте и непростыми выборами в Иране (три последних темы в нашей системе кодирования были отнесены к категории «Демократия»). Однако, как мы увидим, эти темы часто прямо или косвенно увязывались с внутренней обстановкой, что давало исламу беспрецедентно заметное место в новостной повестке дня в указанный период.

²⁹ РЕН ТВ, «Репортерские истории: Хиджаб раскола», 27 (changed from 28) апреля 2013 года: <http://www.youtube.com/watch?v=4y75jrpDpg> (последнее посещение: 10 января 2015 года). «Репортерские истории» выпускает та же команда, что и программу РЕН ТВ «Неделя».

Что касается терроризма и Северного Кавказа, материал 2013 года раскрывает четыре преобладающих тенденции: 1) дальнейшее усиление акцента на исламистский и экстремистский аспекты проблемы за счет концентрации внимания на «экспорте» исламистского терроризма с Северного Кавказа в центр России; 2) видоизмененный вариант этой же тенденции, заключающийся в повышенном внимании / фиксации на побочных, казалось бы, разновидностях архетипического образа северокавказского террориста (террористка-смертница, русский, принявший ислам); 3) более частые и открытые попытки связать терроризм на Северном Кавказе с враждебным влиянием и происками США, продолжая при этом продвигать идею о том, что борьба против терроризма требует «транснационального» сотрудничества; 4) усиленная стратегия увязывания сирийского кризиса с исламистским терроризмом в России и других частях Европы.

Первая из тенденций проявилась в ряде довольно подробных репортажей «Времени» о выявлении и аресте членов исламистских ячеек в Москве и Санкт-Петербурге. В одном из них рассказ об аресте сопровождается изображениями этих людей, распростертых в коллективной мусульманской молитве, упоминается «экстремистская литература», обнаруженная в их тесном жилище, зрителям напоминают, что это не первый подобный инцидент в двух крупнейших российских городах³⁰. Накануне программа «Время» показала значительно более продолжительный репортаж об аресте московского таксиста, подозреваемого в подготовке серии взрывов в ходе празднования Дня Победы³¹. В репортаже подробно говорилось о боевой подготовке, которую он предположительно прошел в афгано-пакистанском регионе, и о его связях с «Исламской партией Туркестана», которая действует в США, Европе и Центральной Азии и, как утверждал репортаж, «не менее опасна, чем «Аль-Каида». До этого «Время» показало еще более сенсационный репортаж о «ликвидации» ячейки «Аль-Каиды» – «Проповедники ненависти»³². Череда арестов совпала с тем, что можно считать пиком антииммигрантской кампании, развязанной значительной частью российских СМИ в преддверии выборов мэра Москвы в сентябре 2013 года. Нетрудно понять, почему следует подчеркнуть эту связь.

Интересно, что в сюжете 26 мая говорилось о ячейке «Аль-Каиды», состоящей из «волков-одиночек», что несколько противоречит западному пониманию термина «волк-одиночка», действия которого обычно противопоставляются скоординированной деятельности целой ячейки. Это один из примеров того, как шаблоны изложения фактов, появившиеся в рамках глобального

³⁰ «Время», 7 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/234780> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

³¹ «Время», 6 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/234688> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

³² «Время», 26 мая 2013 года: <https://www.1tv.ru/news/social/233810> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

антитеррористического дискурса, заимствуются и перерабатываются в России. То же касается и российской версии нарратива о «радикализации», который хорошо знаком по британскому освещению внутренних терактов (можно сказать, что термин «радикализация» стал обычной частью официального российского антитеррористического лексикона в 2012 года). В российском варианте этот нарратив выявил необычайную заикленность на роли этнических русских, обратившихся в ислам. В адаптированном шаблоне, проявившем себя в репортаже от 26 мая, фигурирует беззащитная русская девушка, которую склонили к вступлению в брак с экстремистом, промыли мозг в Дагестане и затем завербовали в качестве террористки-смертницы. Ее описывают как «милую девушку с обычной фамилией – Алексеева», которую «любовь позвала в лес». Этот лес – «просто какая-то другая планета, что-то дикое средневековое», там она должна была научиться бороться с «неверными». Репортаж затем подчеркивает масштаб проблемы джихадизма, утверждая, что экстремисты стремятся «создать исламский халифат» на территории Российской Федерации. Подчеркивается и тот факт, что истоки проблемы можно найти не только на Северном Кавказе, но также в Центральной Азии и Сирии. Утверждается также, что «число ваххабитов в России превысило 700 тысяч человек, а их центры работают во всех регионах». В репортаже также указывается, что типичный портрет современного джихадиста меняется; сейчас с равной вероятностью это может быть как продукт экономического упадка Северного Кавказа (объяснение, преобладавшее в конце президентского срока Дмитрия Медведева), так и высокообразованный человек из благополучной семьи. Репортаж завершается тревожным утверждением, что поскольку истоки российского терроризма теперь выходят за пределы самой России и поскольку его цели охватывают всю территорию страны, власти теперь имеют дело с войной, «где линии фронта нет»³³.

Ощущение антиисламистской истерии и тревожности, искусственно созданной или естественной, которое характерно для изучаемого периода, было ярко передано через несколько месяцев после него, а именно в январе 2014 года, когда информационное агентство «РИА Новости» выпустило совершенно невероятный плакат под заголовком «Как ведут себя террористы-смертники». Он предлагал список красноречивых внешних черт и поведенческих признаков, указывающих на то, что человек готовится совершить террористический акт. Детали, многие из которых относятся к женщинам-террористкам, включают в себя цвет сумок, которые они держали, и слова, которые они произносили перед терактом (одна из фраз: «Подождите, будет вам праздник!»)³⁴.

³³ «Время», 26 мая 2013 года: <https://www.1tv.ru/news/social/233810> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

³⁴ Плакат доступен по ссылке: <http://ria.ru/infografika/20131023/972165703.html> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

Тема женщин, изменивших веру, приобрела новый оборот в репортаже от 30 (changed from 6 June) июня с провокационным заголовком, придающим вопросу расовый оттенок: «Славянских девушек увозят на Кавказ по большой любви и превращают в смертниц»³⁵. Речь в данном случае идет о двух шестнадцатилетних девушках, которых «вербовщик, какие сегодня работают по всей стране», обманул в социальных сетях и выдал замуж за более взрослых мужчин. В репортаже говорится, что «у боевиков есть свой умысел в вербовке девушек славянской внешности. В первую очередь, такие девушки не вызывают подозрений у сотрудников полиции». Этнический оттенок сюжета усиливается рассказом о том, как девушек заставляют полностью подчиниться воле будущих мужей, немедленно выйти за них замуж, последовать за мужьями в Дагестан, одеваться и вести себя так, как им велят. Сюжет помещается в контекст намерения печально известного (и, по всей вероятности, покойного) лидера террористов Доку Умарова «исламизировать несколько регионов России», включая Ставрополь, Астрахань, Волгоград, Саратов и Самару. Репортаж заканчивается тревожным обобщением, что «вербуют сотнями в Интернете, на улице, в школе, институте. Возвращать удастся лишь единицы». Этот и несколько других подобных репортажей используют взрывную смесь предрассудков и предубеждений: о том, что мусульманские радикалы цинично эксплуатируют этнических русских; что у них варварские и допотопные нормы морали и культура; что их расистские тактики имеют гендерную и сексуальную подоплеку; что зачастую самое тревожное проявление зла – это пороговая фигура, которая не воспринимается ни как часть своего Я, ни как часть Другого и которая пересекла границу двух миров.

Другим отголоском образа мусульманского радикала, чья чуждость не чиста и не полна, является растущая тенденция усматривать американские происки среди истоков хаоса, который исламский терроризм сеет в России. Оставаясь всегда частью российского дискурса о терроризме, антиамериканские теории заговора в последние годы усилили свое влияние. Во второй изучаемый нами период они были особенно заметны после взрыва на бостонском марафоне в апреле 2013 (changed from 2014) года. Вышедший 19 мая 2013 года сюжет о высылке американского шпиона, работавшего в Москве, начинается с загадочного упоминания о попытке завербовать офицера ФСБ, «занимающегося вопросами борьбы с бандитским подпольем на Кавказе». И только в конце предлагается пояснение связи с истоками бостонского теракта (братья Царнаевы родом из этого региона) и рассуждение, что выдворение могло быть задумано как сигнал ФСБ американцам: «мы готовы к сотрудничеству, но на наших условиях»³⁶.

³⁵ «Время», 30 (changed from 6 June) июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/236349> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

³⁶ «Время», 19 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/236349> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Когда офицеры ФБР, расследовавшие взрыв на бостонском марафоне, застрелили сообщника Царнаевых Ибрагима Тодашева, это тоже привлекло большое внимание «Первого канала». В длинном репортаже от 30 мая 2013 года была сделана попытка ответить на вопрос: «Зачем убили ключевого свидетеля по делу братьев Царнаевых?». Отметив, что, вероятно, у ФБР была веская причина подозревать Тодашева в причастности к теракту (он был хорошим знакомым Царнаевых), репортаж завершается предположением отца Тодашева, что его сын, возможно, «что-то знал, информацию какую-то, которую полицейские не хотели обнародовать»³⁷. Признавая, что это всего лишь догадки, корреспондент всё же подливает масла в огонь, напоминая зрителям, что за неделю до этого два офицера ФБР, вроде бы связанные с расследованием дела Царнаевых, таинственным образом выпали из тренировочного вертолета и погибли, и что отрицание ФБР их связи с бостонской операцией совпало с отрицанием того факта, что Тодашев был безоружен, когда его застрелили. В обществе, где ощущается дефицит полной, объективной и надежной информации, набирают силу инсинуации и спекуляции, расцветают теории заговора. В данном случае подразумевается обвинение ФБР в том, что оно проигнорировало предупреждения о деятельности Царнаевых, полученные годом ранее от ФСБ. Однако намек достаточно туманен, поэтому возможно и толкование, указывающее на более злое участие в событиях на Северном Кавказе. Эта теория со времен Беслана регулярно получает и более открытую поддержку.

Одновременное выражение антизападных настроений и злобещих предупреждений об угрозе со стороны радикального ислама, которое является доминирующей темой в наших записях, достигает апогея в освещении «Первым каналом» сирийского конфликта. Во второй изучаемый нами период этот конфликт доминировал среди зарубежных новостей. В контексте противостояния по поводу химического оружия, которое чуть не закончилось западным военным вмешательством, «Время», как и следовало ожидать, посвятило значительное эфирное время эмоциональной критике президента Путина в адрес неуместной западной поддержки сирийских повстанцев. Все российские государственные каналы подробно обсудили параллель, которую в ходе саммита G8 по Сирии в Северной Ирландии в июне 2013 года Путин провел между жестокостью исламистских повстанцев, выступающих против Башара Асада, и жестокостью убийц Ли Ригби.

Неудивительно, что связь воюющих в Сирии радикальных исламистов с западными странами получила буквальное отражение в серии репортажей программы «Время», где речь шла об иностранных наемниках и других западных боевиках среди повстанцев. Июльский репортаж утверждал, что «среди боевиков – американцы, бельгийцы, финны и даже швейцарцы. Спящие ячейки моджахедов есть по всему

³⁷ «Время», 30 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/print/234176> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

миру», а военный аналитик объяснял, что большинству из них промыли мозг и что их склонили к поддержке радикального ислама «Аль-Каида». Приводились и слова сочувствующего повстанцам человека: «Возможный следующий этап Джихада – Россия. Там тоже не любят и притесняют мусульман»³⁸.

К этому прогнозу подготовил более ранний репортаж, который, несомненно, был создан, чтобы шокировать и взволновать зрителей «Времени». Репортаж предлагает особенно наглядное описание инцидента, в ходе которого сирийские повстанцы сняли на пленку отсечение голов нескольких католических священников перед толпой зрителей, включая маленьких детей. В репортаже подчеркивается, что комментарий к видео, сделанному повстанцами, дан на русском языке. Это подано как доказательство того, что интернациональная армия наемников, оказывающая поддержку сирийским повстанцам, включает большое число «бандитов из стран бывшего Советского Союза»³⁹.

При этом если обвинения против европейских стран, граждане которых сражаются на стороне сирийских повстанцев, были сосредоточены на лицемерии этих стран, их наивности и неуместной приверженности мультикультурной толерантности (воспринимаемой как «плодородная почва» для радикального исламизма), то антиамериканские настроения были совсем другого толка. Для них были характерны паранойя и замысловатые рассуждения в духе теорий заговора, которые становились всё сложнее и простирались далеко за пределы Сирии. В роли автора особенно вычурных спекуляций выступил Гейдар Джемаль, председатель влиятельного Исламского комитета России, который смог связать Сирию с турецкими выступлениями против Эрдогана, а затем с Ираном и Ираком. Согласно его сомнительному утверждению, Соединенные Штаты

... хотят, чтобы страной номер один в Азии был Иран, и чтобы сунниты лишились опорных пунктов в лице Эрдогана, Эмира Катара, Саудовского дома и так далее... <...> Они хотят, чтобы Ираком стала вся передняя Азия... <...> Им это нужно для того, чтобы сосредоточить все силы против Китая и России⁴⁰.

В свете последующей позиции России в отношении украинских событий всё это совсем не удивительно. Пожалуй, более важным аспектом освещения в программе «Время» исламистского терроризма в целом – и репортажи, на которые мы ссылались, предлагают яркую иллюстрацию данного феномена – является то, как тесно переплетены российская проблема терроризма на Северном Кавказе, исламистское

³⁸ «Время», 15 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/237401> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

³⁹ «Время», 2 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/236521> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴⁰ «Время», 30 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/236350> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

насилие в мире, европейское «лицемерие», плетущий интриги империализм США и российский демократический либерализм. Это не столько ситуация, когда всё и все, кто якобы враждебен российским интересам, объединяются в одну аморфную массу злонамеренной «чуждости», сколько случай запутанной конфигурации элементов, каждый из которых существовать отдельно от других и в сочетании с другими. Было бы просто счесть это разновидностью циничного инструментализма, в которой «враги» конструируются в соответствии с определенными обстоятельствами. Однако, как покажут последующие разделы, это также отражает подлинные расколы, противоречия и сдвиги в официальном российском дискурсе о широком спектре вопросов, включая непредсказуемые последствия «арабской весны».

4. Демократия или революция?

Тем не менее, волна народных беспорядков, выступлений, революций и смен режима, охватившая мусульманский Ближний Восток с 2011 года, оказалась, на первый взгляд, менее противоречивой для России, чем для западных держав. Для них утрата стабильных режимов, поддерживавших западную линию по проблеме радикального исламизма, компенсировалась очевидным триумфом прозападных, антиавторитарных, демократических сил. В целом Россия последовательно изображает «арабскую весну» в отрицательном свете, усматривая в ней параллели с опасной нестабильностью и хаосом, которые наступили в результате «цветных революций» на постсоветском пространстве. Однако некоторые из событий в регионе в первой половине 2013 года внесли неразбериху в российское видение ситуации. Контрреволюция против президента Мурси, ставленника «Братьев-мусульман», в Египте, демократические протесты против исламизации, якобы проводимой Эрдоганом в Турции, выборы умеренного реформатора Рухани президентом Ирана – все эти события стали испытанием для официального российского нарратива. Как это часто бывает, возникшие в результате двойственность и нерешительность официальной российской позиции были многократно усилены в освещении этих событий государственными СМИ.

Самым интересным было, пожалуй, освещение в программе «Время» беспорядков в Турции (строго говоря, эти беспорядки не являются частью «арабской весны», но очевидно, что они попадают в более широкую сферу влияния этого явления). Не в первый раз неопределенность ситуации с российской точки зрения привела, как это ни парадоксально, к относительно сбалансированному и многогранному освещению. Не скрывая каких-либо подробностей протестов, самые первые репортажи были весьма осторожны в обсуждении причин. Большой репортаж от 3 июня уравнивал высказывания обычных людей о якобы имевшем место жестоком обращении полиции длинными выдержками из высказываний Эрдогана, но журналист лишь один раз

коротко упомянул, что протестующие теперь выступают не только против строительства нового здания на месте парка Гези, но и против правительства Эрдогана⁴¹.

В репортаже, вышедшем на следующий день, ракурс изменился, он включал уже значительно больше рассуждений касательно причин беспорядков. Изначально эти причины подавались через призму двух возможностей: во-первых, что беспорядки – это стихийное выражение беспокойства по поводу сворачивания в Турции завоеванных с большим трудом светских прав и свобод; во-вторых, что речь может идти о вдохновленной из-за рубежа и хорошо спланированной подрывной работе (конечно же, знакомая российской аудитории тема). Корреспондент отмечает, что кажущееся сходство с происходившими ранее арабскими революциями обманчиво, и напоминает, что в отличие от авторитарных исламских режимов, против которых выступали на Ближнем Востоке, Эрдоган считается умеренным политиком. В репортаже не без одобрения упоминается предположение самого Эрдогана, что протесты финансируются и поддерживаются предшествующей кемалистской элитой, действующей из-за пределов Турции. Однако завершается сюжет авторитетным суждением бывшего посла России в Турции, которое якобы разделяет большинство экспертов. Согласно этому суждению, протесты «имеют скорее спонтанный характер»⁴². Намеренно или нет, но создается образ сложной и запутанной ситуации, включающей множество факторов, но не имеющей четкого направления. Этот образ, пожалуй, настолько близок к правде, насколько следовало ожидать от «Первого канала».

«Первый канал» продолжал следить за парадоксами турецкой ситуации. Журналисты с одобрением отметили, что Эрдоган превратил «Турцию из глухой провинции секулярного Запада в восходящую звезду просвещенного исламского Востока», но при этом признали, что он стал теперь жертвой собственного политического и экономического успеха⁴³. Однако по мере усиления и расширения протестов в по-прежнему относительно всестороннем освещении ситуации стали появляться акценты: недобрые сравнения с «цветными революциями» и саркастическое описание хаоса, учиненного разношерстной толпой протестующих («и левые, и правые, и анархисты, и сексуальные меньшинства, и даже курды, которые обычно не упускают возможности показать, что им с турецким народом не по пути»). «Время» обратило критический взгляд и на правительство Эрдогана, фактически обвинив его в подстрекании

⁴¹ «Время», 3 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/234437> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴² «Время», 4 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/234522> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴³ «Время», 9 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/234856> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

восстания в Сирии, которому Турцией была оказана поддержка без учета возможных последствий для собственной мятежной молодежи.

Когда волнения на площади Таксим достигли своего апогея в середине июня, программа «Время» продолжила представлять обе стороны сложной ситуации. 15 июня Турция заняла ключевое место в новостном выпуске, который включал в себя длинный разносторонний сюжет о событиях в Стамбуле. Однако, сопоставив угрозу «цветной революции» и угрозу сирийского исламистского экстремизма, репортер «Первого канала» с небольшим перевесом склонился на сторону Эрдогана, подчеркнув масштабы выступлений в его поддержку и обрушившись с критикой на США за их лицемерие. Это лицемерие, согласно сюжету, выразилось в стратегическом отказе от обязательств по отношению к повстанцам, хотя обычно Вашингтон с энтузиазмом поддерживает то, что «Время» ошибочно называет движениями «оккупай»⁴⁴.

Параллельно с событиями в Турции проходили президентские выборы в Иране, и они тоже освещались в относительно нейтральных тонах, а программа реформ ведущего умеренного кандидата Хасана Рухани рассматривалась весьма благожелательно. Однако программа «Время» не смогла удержаться от колкостей в адрес США, которые ввели санкции против Ирана из-за его ядерной программы, но лицемерно закрыли глаза на приобретение ядерного оружия Пакистаном. Не удержались журналисты и от явного одобрения поддержки, оказанной Ираном сирийскому президенту Асаду. Поступок Ирана был подан как демонстрация того, что «друзья познаются в беде, с учетом того, что президент Египта уже заявил о разрыве дипломатических отношений с Сирией и потребовал установить там бесполетную зону»⁴⁵. «Время» также аккуратно напомнило зрителям о широком контексте ирано-сирийского союза, отметив, что оба шиитских режима окружены всё более влиятельными суннитскими экстремистами.

И действительно, освещение сирийского конфликта в программе «Время» было сформировано под влиянием официального нарратива о законном правительстве, которое отражает атаки суннитского экстремистского мятежа, погрузившего страну в кровавую гражданскую войну. Рассказывая о саммите «Группы восьми» в Северной Ирландии, «Время» представило позицию России как в высшей степени разумную и умеренную, отметив, что гражданская война может завершиться одним из двух способов: победой одной из сторон (реальная возможность в случае Сирии, учитывая недавнюю череду военных успехов Асада в борьбе против повстанцев) или урегулированием путем мирных переговоров (вариант, который предпочитает Россия).

⁴⁴ «Время», 16 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/235364> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴⁵ «Время», 16 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/235355> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Эта позиция противопоставлялась упрямой и неразумной позиции западных стран, которые настойчиво пытаются «продавить согласие России на отстранение Башара Асада от власти» в качестве предварительного условия переговоров⁴⁶.

Российское неприятие народных восстаний и неожиданных смен режима объясняет ту настойчивую категоричность, с которой «Время» с самого начала называло свержение египетского президента Мурси «военным переворотом»⁴⁷, хотя западные СМИ, такие как BBC, неделями сомневались и не решались сделать это. Антиамериканский мотив также вновь всплыл в длинном репортаже о последствиях переворота, в котором подчеркивалась значительная американская финансовая поддержка египетской армии. Однако Египет тоже представлял собой дилемму для России, поскольку и сам Мурси пришел к власти в результате народного восстания. Кроме того, он исламист и сторонник сирийских повстанцев, борющихся против Башара Асада. Дав удивительно резкую оценку года, проведенного Мурси у власти в Египте, воскресный выпуск «Времени» следующим образом подытожил ситуацию:

Год назад страна раскололась надвое, выбрав президента-исламиста. Сегодня снова Египет расколот – кто-то празднует, кто-то горюет. Год Мурси – это альтернатива между военной диктатурой и диктатурой исламистов⁴⁸.

И хотя «Первый канал», как и западные средства массовой информации, оперативно реагирует на все важные и непредвиденные события, он больше, чем они, склонен рассматривать эти события в рамках более широкого нарратива и помещать их в существующий региональный контекст. Канал BBC1, например, только время от времени использовал тему раскола между суннитами и шиитами, объясняя события в Египте и Сирии. Программа «Время», напротив, последовательно обращалась к региональному контексту. Заключительные фразы сюжета о свержении Мурси передают неудовольствие России по поводу многочисленных поворотов и парадоксов, которые недавно дестабилизировали регион, ведь раньше ситуация соответствовала узнаваемым и удобным России парадигмам, а теперь стала совершенно неопределенной и неясной:

И все это происходит в тот самый момент, когда рушатся или выворачиваются наизнанку основные принципы мироустройства, как-то удерживавшие ситуацию до сих пор. Союзники стремятся ослабить друг друга, как в случае с Катаром и Саудовской Аравией. Покровители с легкостью сдают своих подопечных, как в Турции; цивилизованный мир снабжает оружием

⁴⁶ «Время», 23 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/235849> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴⁷ «Время», 4 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/236689> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁴⁸ «Время», 7 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/236838> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

каннибалов, как в Сирии; либералы рукоплещут путчистам, а исламисты становятся борцами за демократию, как в Египте⁴⁹.

Как это обычно и бывает с внешней политикой, «Первый канал» в данном случае лишь передает официальные опасения и беспокойство Кремля. Однако осязаемое ощущение тревоги, которое выдают слова диктора, говорит о многом, ведь в этих словах подчеркиваются стремление к геополитической стабильности и предсказуемости и российские страхи относительно более широких последствий подъема исламского фундаментализма.

5. Мусульмане, миграция и этнический конфликт

Как мы уже видели, православие сохранило свое главенствующее положение в иерархии конфессий при освещении религиозных вопросов на российских государственных каналах. Тем не менее, ограниченное эфирное время было всё же выделено для ислама, еще меньше времени получили другие традиционные вероисповедания России. Что характерно, канал «Россия» с 2004 года выпускает еженедельную десятиминутную программу «Мусульмане»⁵⁰. Представляя положительный образ ислама в той форме, в какой он исторически исповедуется в России, программа в каждом выпуске воссоздает многоконфессиональный и многонациональный идеал России, согласно которому мирное сосуществование четырех традиционных религий сделало российское государство сильным. Однако она делает это, постоянно подчеркивая исключительную важность православия.

Впрочем, осенью 2012 года и после массовых политических протестов, сопровождавших переизбрание Владимира Путина на пост президента, государственное телевидение развязало антииммиграционную кампанию, частично направленную на укрепление народной поддержки режима. Кампания усилилась весной 2013 года и сопровождалась заметным сдвигом в представлении роли ислама в России и Европе. Если рассматривать ее в более широком контексте освещения вопросов миграции в европейских СМИ, то можно увидеть, что эта кампания демонстрирует всё более противоречивую природу общественного дискурса о российской идентичности.

Выдвижение противоречий на первый план почти не удивляет, ведь журналисты российского государственного телевидения, от которых требовалось на словах поддерживать официальную политику и принципы управления национальным многообразием, в рамках собственного дискурса часто проявляли враждебность по

⁴⁹ «Время», 7 июля 2014 года: <http://www.1tv.ru/news/world/236838> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁵⁰ См. веб-страницу программы: http://russia.tv/brand/show/brand_id/3959 (последнее посещение: 10 января 2015 года)

отношению к мигрантам и отдельным этническим меньшинствам. Журналист канала «Россия», не скрывавший своих симпатий к оппозиции, заявил: «Можно быть сверхтолерантным к приезжим, к различиям, к исламу, к мусульманам, но всё это зашло слишком далеко»⁵¹. Давая интервью австрийскому участнику нашего проекта, видный прокремлевский журналист спросил: «Вы же не хотите, чтобы турки целиком заволокли города Каринтия и Тироля. Чтобы в Инсбруке стояли одни мечети... Кто были образованы? Турки? Что вы мне сказки рассказываете?»⁵². В отсутствие четких инструкций относительно того, как освещать болезненные темы и сложные вопросы, журналисты имеют большое пространство для маневра, в котором могут дать волю своим предрассудкам⁵³.

Негативные последствия отсутствия редакционных правил касательно обсуждения вопросов расы и этнической принадлежности усугубляются тем, как российские телеканалы воспринимают ожидания аудитории и как представляют себе сбалансированное и беспристрастное освещение. Их представление диаметрально противоположно представлениям вещательных компаний из европейского общественного сектора, таких как BBC. В случаях, когда этническая принадлежность или религия (ислам) рассматривается как важный фактор в конкретной ситуации, общепринятой практикой для британской вещательной компании является поручить работу репортеру с небелым цветом кожи. И наоборот, один из опрошенных нами более либерально настроенных журналистов сообщил, что политика независимого новостного канала, на котором работает он, заключается в том, чтобы никогда не поручать освещение этнических вопросов представителю национального меньшинства. По его словам, «тему межнациональных отношений у нас делают корреспонденты славянской наружности». Он пояснил, что эта политика была разработана в соответствии с тем, как его канал понимает зрительские ожидания⁵⁴. Тот факт, что эта позиция стала внутренней нормой, подтверждается комментарием представителя «Первого канала»: позиционируя себя как либерала, он при этом заявил, что деликатные вопросы, связанные с исламом, не могут освещаться представителем национальной общины, в котором ислам является доминирующей религией. Интервьюируемый при этом не считал, что следует проявлять ту же осторожность при освещении вопросов, связанных с православием, что регулярно поручалось делать журналистам, причисляющим себя к православным⁵⁵.

⁵¹ Интервью с журналистом канала «Россия», 29 марта 2013 года. По причинам конфиденциальности личность журналиста не разглашается.

⁵² Интервью, 3 апреля 2013 года.

⁵³ Например, подробные инструкции для журналистов BBC: http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/review_report_research/impartiality_21century/report.pdf; http://downloads.bbc.co.uk/bbctrust/assets/files/pdf/our_work/breadth_opinion/breadth_opinion.pdf (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁵⁴ Интервью, 5 августа 2013 года.

⁵⁵ Интервью с журналистом «Первого канала», 29 января 2013 года.

Склонность к непоследовательности и противоречивости усугубилась расколом в рамках более широкого общественного дискурса о самой российской идентичности. В ходе выборов и после них заметное место заняли три несовместимые концепции. Первая из них – образ, сформированный изоляционистским русским национализмом, который стремится к исключению «этнических Других» из общей нации. В рамках второй Россия – центр Евразийского Союза, который включает в себя часть Центральной Азии и строится на истории взаимодействия между православием и исламом. В рамках третьей Россия – защитница европейских христианских ценностей в эпоху, когда они якобы опорочены на Западе. Президент Путин сам открыто поддержал последние две концепции. Первая, однако, продвигается некоторыми представителями оппозиции и влиятельными политиками и, похоже, имеет значительную общественную поддержку, так что неудивительно, что она находит отражение и во взглядах видных членов журналистского сообщества⁵⁶. Таким образом, ее включение в состав официального дискурса стало первоочередной целью государственных телекомпаний.

Одним из путей такого включения стало обсуждение иммиграционных проблем в Западной Европе. Яркий пример можно увидеть в выпуске дискуссионного шоу «В контексте» на «Первом канале», ведущим которого является довольно известный политический комментатор Максим Шевченко. До 2012 года шоу не выходило за рамки официального дискурса о России как многонациональной стране. Выпуск же от 29 марта 2012 года, посвященный серии убийств, совершенных исламским экстремистом во французском городе Тулузе, был лишен всех этих ограничений⁵⁷. Участников программы можно описать как «экспертов» по межэтническим отношениям, представляющих разные политические позиции: от сторонника изоляционистского русского национализма до приверженца либеральной толерантности в западном духе. Учитывая, что преступником в Тулузе оказался радикальный исламист, включение муфтия в число участников на первый взгляд казалось оправданным. Однако, учитывая, что большую часть времени речь в выпуске шла о России, участие представителя мусульманского духовенства, а не какой-либо из других «традиционных конфессий» России, подспудно формировало тесную ассоциацию между этническим конфликтом и исламом, а также этническими группами, среди которых он является доминирующей религией. Такое восприятие продолжило оказывать явное влияние на освещение этнических вопросов после переизбрания Владимира Путина на третий президентский срок.

⁵⁶ Согласно исследованию «Левада-центра», проведенному в октябре 2013 года, более 50% опрошенных поддерживают лозунг «Хватит кормить Кавказ». Исследование заключило, что треть респондентов не рассматривают Северный Кавказ как часть России, <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/232217/> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

⁵⁷ «В контексте», 29 марта 2012 года: <http://www.1tv.ru/prj/vkontekste/vypusk/14651> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Как и программа Шевченко «В контексте» от 29 марта 2012 года, выпуски передачи Аркадия Мамонтова «Специальный корреспондент» на канале «Россия» с 2012 года отошли от тенденции федеральных телекомпаний противопоставлять российский опыт регулирования мультикультурализма опыту Западной Европы. Теперь между Россией и Западной Европой проводится прямая параллель. Мамонтов дает слово западным политикам и активистам, чтобы обосновать весьма негативный образ мигрантов, который продвигает его программа⁵⁸. Во втором из выпусков «Специального корреспондента», посвященных «проблеме миграции» (все они имели провокационный заголовок «Чужие»), Мамонтов использует примеры Франции и Швейцарии, чтобы подчеркнуть неспособность мигрантов из неевропейских обществ когда-либо интегрироваться. Подбор участников можно назвать крайне тенденциозным: французскую и швейцарскую «официальные» позиции выражает лидер французской крайне правой партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен и активный противник строительства минаретов в Швейцарии. Российским зрителям говорят, что жители Западной Европы «в шоке от тех обычаев, которые привозят с собой в багаже мигранты»⁵⁹. Россия изображается как европейская страна. Мамонтов не объединяется с традиционным исламом против дегенеративной западной культуры, а напротив, объединяется с Западом против абсолютной чуждости мигранта-мусульманина.

Учитывая акцент на европейскую природу российской идентичности в дискуссиях о миграции, неудивительно, что антимигрантская кампания получила дополнительную поддержку весной 2013 года после двух произошедших почти одновременно событий в Западной Европе – беспорядков в Стокгольме и убийства в Лондоне британского солдата двумя молодыми исламистами нигерийского происхождения. Эти события дали «Первому каналу» и каналу «Россия» широкие возможности для обсуждения миграционных вопросов. Программа «Вести» возглавила ту часть кампании, в которой внимание было сосредоточено на самой России. А «Первый канал» продолжил, как и до выборов, воздерживаться от рассмотрения в своей главной новостной программе «Время» миграционного вопроса в его российском аспекте, затрагивая эту тему только в ток-шоу⁶⁰.

События в Лондоне и Стокгольме были использованы и программой «Вести», и программой «Время», чтобы более активно, чем когда-либо, продвигать идею, что

⁵⁸ Сходным образом во время общественных споров по поводу ношения хиджаба в школах в октябре 2012 года участники обсуждения, включая Путина, ссылались на западноевропейский опыт, в особенности на запрет ношения какой-либо «нарочитой» религиозной символики в общественных местах, который был введен во Франции в 2004 году.

⁵⁹ «Специальный корреспондент. Чужие-2»: http://russia.tv/video/show/brand_id/3957/video_id/165399 (последнее посещение: 10 января 2015 года).

⁶⁰ См., например, вклад в антимигрантскую кампанию применительно к самой России, сделанный ток-шоу «Свобода и справедливость», 29 мая 2013 года: http://www.1tv.ru/sprojects_edition/si5833/fi23666 (последнее посещение: 10 января 2015 года).

культурные отличия делают мигрантов из неевропейских, в особенности мусульманских, обществ в принципе неспособными интегрироваться в Европе⁶¹. Беззастенчиво придавая вопросу расовый оттенок, государственные телекомпании начали заявлять, что даже «иммигранты во втором поколении» неизменно остаются недостаточно интегрированными и представляют серьезную угрозу благополучию принимающих обществ⁶². Беспощадно применялась стратегия отчуждения, превращения в Другого, при которой люди ближневосточного и африканского происхождения все без разбора получали ярлык мигрантов, представлялись как склонные к насилию, не желающие работать и делать что-либо на благо европейских обществ, но при этом требующие всё больших пособий от европейских правительств. Репортер «Времени» утверждает: «коренные» европейцы вынуждены «адаптироваться» к правилам, установленным «приезжими». Российским зрителям говорят, что «этнические норвежцы» стали «беженцами в своей стране»⁶³.

В таком освещении всё выглядит так, будто особую угрозу приток мигрантов представляет для христианской идентичности Европы. Западные общества представлены как разделенные по религиозному принципу: христианство против ислама. По словам ведущего «Вестей недели», происходит «культурное перерождение» Европы под влиянием мигрантов из мусульманских стран⁶⁴. Ислам изображается как стержень идентичности всех неевропейских жителей, которые не могут интегрироваться в принимающих обществах. Согласно «Времени», мигранты-мусульмане не желают интегрироваться, а значит, «адаптироваться вынуждены коренные жители. <...> В Лондоне появился так называемый «мусульманский патруль»... <...> Европейских законов радикально настроенная исламская молодежь не боится» и живет, «паразитируя на государственном пособии»⁶⁵.

Темы, освещаемые в западных СМИ, адаптируются российскими телекомпаниями, чтобы подчеркнуть связь между исламом и якобы «паразитическим» поведением плохо интегрированных мигрантов. В январе 2013 года «Вести недели» напомнили весьма неоднозначное заявление баронессы Шрилы Флэвер, которая в 2011 году выступила с критикой бангладешских и пакистанских общин Великобритании за то, что

⁶¹ О том, как в этом контексте представляют ислам, и о потенциальных последствиях такого представления для России см. главу 4.

⁶² «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233811>: (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁶³ Там же. О подобной аргументации в программе «Вести» с осени 2012 года см., например, «Вести недели», 2 декабря 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38864>: (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁶⁴ «Вести недели», 2 декабря 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38864>: (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁶⁵ «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233811>: (последнее посещение: 10 января 2015 года)

они якобы специально заводят много детей, чтобы получать больше пособий⁶⁶. В отличие от канала BBC, который не упомянул о религиозных взглядах этих общин в репортаже об этом заявлении, «Вести недели» положительно оценили слова баронессы и заявили, что мусульмане практикуют полигамию и что многие женщины-мусульманки официально регистрируются как матери-одиночки, чтобы и дальше использовать британскую систему социальной защиты. Сходным образом исламский подтекст проник и в освещение российским телевидением стокгольмских беспорядков. Общины этнических меньшинств, представители которых участвовали в волнениях, были обозначены «Временем» как мусульмане (между тем, канал BBC этого обозначения целенаправленно избегал)⁶⁷.

Связи с внутривнутриполитическим контекстом стали неизбежным следствием репортажей о европейском «миграционном кризисе». Как и в освещении вопросов миграции в Европе, (радикальный) ислам сыграл заметную роль в том, как программа «Вести недели» подавала «внутреннюю миграцию» на Ставрополье. Приводилось эмоциональное восклицание местного муфтия: «Я один, как в поле воин [против радикального ислама], который простреливается во всех стороны»⁶⁸. Формируя представление о собственных взглядах журналистов и понимание того, как СМИ воспринимают общественные настроения, важно отметить, что в апреле 2013 года независимый и относительно либеральный канал РЕН-ТВ предложил столь же угрожающее изображение «экспансии ислама и его ценностей» в южных регионах России. Утверждая, что большинство этнических русских в регионе по понятным причинам «очень напуганы», журналист «Репортерских историй» на РЕН ТВ еще меньше, чем ведущий «Вестей недели», был склонен проводить различия между «традиционным, умеренным» исламом России и «плохим» радикальным исламом,

⁶⁶ «Вести недели», 27 января 2013 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1016525&cid=5> (последнее посещение: 10 января 2015 года). См. репортаж BBC от 14 сентября 2011 года о заявлении баронессы Флэвер: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-14909062> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁶⁷ «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233811> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁶⁸ «Вести недели», 9 декабря 2012 года: <http://vesti7.ru/news?id=38903> (последнее посещение: 10 января 2015 года). Хотя в некоторых регионах Северного Кавказа воинствующий исламизм появился в конце 1980-х, в 2012 и 2013 годах программы «Вести» и «Время» представляли его как новое явление. См. также: «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/233810> (последнее посещение: 10 января 2015 года). О радикальном исламизме в России и других странах бывшего Советского Союза см.: Galina Yemeljanova, ed., *Radical Islam in the Former Soviet Union* (London: Routledge, 2010). О том, как текущие медийные, политические и академические дискурсы о «радикальном исламе» в Западной Европе и Северной Америке опираются на давнюю европейскую традицию создания негативных стереотипов об исламе и мусульманах, см.: Elisabeth Poole and John Richardson, *Muslims and the News Media* (London: I.B. Tauris, 2006); Kai Hafez, ed., *Islam and the West in the Mass Media: Fragmented Images in a Globalizing World* (Cresskill: Hampton Press, 2000); Richard Jackson, 'Constructing Enemies: "Islamic Terrorism" in Political and Academic Discourse,' *Government and Opposition*, 42, 3, 2007, pp. 394-426; Flood, Hutchings, Miazhevich and Nickels, *Islam, Security and Television*.

ввезенным из-за рубежа⁶⁹. С конца 2012 года средства массовой информации разного политического толка начали подчеркивать и в некоторых случаях подогревать антимусульманские настроения в крупных городах России. Осенью 2012 года широкое и благосклонное освещение на федеральных каналах получила массовая кампания против строительства большой мечети в московском районе Митино⁷⁰. В феврале 2013 года «Вести недели» сообщили о создании «мусульманского патруля» в Санкт-Петербурге, сюжет вышел под провокационным заголовком «Исламская экспансия»⁷¹. Спустя месяц «Первый канал» уделил значительное внимание аресту в Санкт-Петербурге группы радикальных джихадистов – мигрантов из Центральной Азии⁷². Угроза, которую для российских крупных городов якобы представляют мусульмане, соединилась с угрозой, которая ассоциируется с этническими меньшинствами вообще, и стала частью обобщенной критики девиантного и антиобщественного «мигрантского поведения».

Страсти достигли накала летом 2013 года перед выборами московского мэра, когда лидирующий и победивший впоследствии кандидат Сергей Собянин использовал провокационную антимигрантскую риторику, стремясь ответить на вызов со стороны крайне правых и со стороны популярного борца с коррупцией Алексея Навального, который и сам не гнушался использовать антимигрантские настроения. В июне 2013 года Собянин озвучил статистику, согласно которой 20% всех преступлений в Москве совершаются трудовыми мигрантами (он использовал весьма предвзятый термин «этническая преступность»), и заявил, что «гости» с мусульманского Северного Кавказа также провинились своим «вызывающим поведением» и антиобщественными привычками, такими как лезгинка (традиционный северокавказский танец) в общественных местах и стрельба на свадьбах⁷³.

В тот же месяц в качестве примера антиобщественного поведения на самом Северном Кавказе программа «Время» показала длинный и тревожный репортаж о похищении

⁶⁹ РЕН ТВ, «Репортерские истории: Хиджаб раскола», 27 (changed from 28) апреля 2013 года: <http://www.youtube.com/watch?v=4y75jrpDepg> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

«Репортерские истории» выпускает та же команда, что и программу РЕН ТВ «Неделя».

⁷⁰ См. «Протест против мечети в Митине», канал «Россия», «Вести»: http://russia.tv/video/show/brand_id/5403/episode_id/159350 (последнее посещение: 10 января 2015 года); «Жители Митина победили в борьбе с мечетью», НТВ: <http://www.ntv.ru/novosti/337496/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁷¹ См. «Исламская экспансия: Петербург не готов к мусульманскому патрулю», канал «Россия», «Вести недели», 24 февраля 2013 года: <http://vesti7.ru/news?id=39795> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁷² См. «Активисты запрещенной исламской организации задержаны в Петербурге», «Первый канал», «Новости», 4 марта 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/227718> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁷³ «Время», 20 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/235681> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

невест в Ингушетии. В репортаже прозвучало суровое заявление муфтия Ингушетии, который сообщил:

Те, которые попадают в это дело, будут оштрафовываться на 300 тысяч рублей. Эти деньги будут передаваться в мечеть, и после этого прихожане мечети согласно Джамаата будут распределять среди малоимущих⁷⁴.

Репортер поддержал официальную линию муфтия, подчеркнув, что «кражи чужих невест оскорбляют религиозные и национальные традиции и приводят к серьезным конфликтам между семьями», но завершился сюжет выражением крайнего пессимизма:

«Развод – тяжелый для девушки». <...> Поэтому большинство украденных невест смиряется той судьбе, которую им выбрали похитители. И только единицы находят силы пойти наперекор древним традициям⁷⁵.

Схожая модель наблюдается в освещении проблемы ношения девочками-мусульманками хиджабов в школах Ставрополя вопреки школьным правилам, которой, как мы уже отмечали, государственные СМИ уделили большое внимание. Приводились выдержки из высказывания ставропольского муфтия, осудившего родителей девочек:

В развитых исламских странах его носят в основном замужние женщины, чтобы подчеркнуть свой статус, поэтому необходимо проявлять сдержанность и не идти на поводу у тех, кто стремится спекулировать данной проблемой⁷⁶.

И снова репортаж завершился в негативном ключе, отмечалось, что родители не вняли призыву муфтия и продолжают бороться за право своих дочерей носить в школе традиционную исламскую одежду.

Подтекст этих сюжетов близок риторике «столкновения цивилизаций», которая в последние годы охватила российское общественное пространство и по сути подготовила почву для распространения «нового», или «культурного», расизма, стремительно замещающего более старые «биологические» формы расизма в Европе. Очевидно, что исламофобия, смешивающая культурные практики с религиозными убеждениями и этнической принадлежностью, представляет собой центральный элемент нового расизма, а Россия столкнулась с особенно опасной ее формой. Это во многом связано с массовым переездом в крупные российские города людей как из

⁷⁴ «Время», 29 июня 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/236326> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ «Время», 10 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/237111> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

бывшего Советского Союза, так и с периферии Российской Федерации, которые страна испытала после падения коммунизма.

Результаты такого смешения усугубляются необычайными языковыми небрежностями и неточностями, характерными для официального медийного дискурса России. В июле 2013 года в городе Пугачёве произошли серьезные беспорядки после убийства местного жителя чеченским трудовым мигрантом. Освещая инцидент, государственные СМИ в целом пытались преуменьшить значение этнического фактора, боясь усугубить напряженность. Однако в главном репортаже программы «Время» говорится о решении чеченской «диаспоры» (это сам по себе сомнительный термин, учитывая, что чеченцы – граждане России) вывезти «радикально настроенную» часть своей молодежи⁷⁷. Слово «радикал» обычно встречается при освещении религиозного и других видов идеологического экстремизма (в частности, исламизма). Здесь же не предлагалось каких-либо разъяснений, зрителям предоставлялось самим соединить две смысловые нагрузки: исламистского экстремизма и «антиобщественного поведения» этнических меньшинств.

Этноцентричный тон большей части антимигрантского дискурса, конечно же, противоречил официальным мантрам о Российской Федерации как гармоничном, многоконфессиональном, многонациональном государстве, о контролируемой миграции как благе для российской экономики и о евразийстве как концепции, подразумевающей усиленное сотрудничество со странами Центральной Азии и продолжение миграции из этого преимущественно мусульманского региона. Не становясь более однородным, как того по идее требовал усиливающийся политический контроль Кремля над государственным телевидением и как предполагали многие наблюдатели, общественный дискурс с 2012 года становился всё более раздробленным и противоречивым. Высказывания журналистов и репортеров канала «Россия» о национальном вопросе, миграции и (радикальном) исламе в период после выборов с *большей*, а не меньшей вероятностью противоречили позиции Путина. Ведущие медийные фигуры, такие как Дмитрий Киселев и Аркадий Мамонтов, продвигали изоляционистскую версию русского национализма, проявляя открытую враждебность по отношению к определенным этническим меньшинствам.

Впрочем, исламофобная антииммиграционная кампания государственных телеканалов в широком смысле следовала логике стратегии, принятой Кремлем после президентских выборов. Стратегия заключается в осуществлении контроля над обществом путем поляризации и выявления внутренних врагов, которые якобы сотрудничают с западными спецслужбами. Представление этих «врагов» как абсолютного Другого для России остается на переднем плане повестки дня

⁷⁷ «Время», 10 июля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/237117> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

федеральных каналов, а предложенные Кремлем идеологические рамки, в которых это происходит, объясняют особенности отношения к миграции.

На самом деле антимигрантская кампания представляет собой только часть более широкого процесса, в котором мусульмане, мигранты и этнические меньшинства в целом, либеральная оппозиция, сексуальные меньшинства, панки и другие «девианты» вместе формируют образ Другого по отношению к самобытному национальному образу своего Я, укорененному в традиционных православных ценностях и патриотизме. Процесс, в значительной мере координируемый православной церковью, перешел в решающую стадию незадолго до президентских выборов после скандала с Pussy Riot, в ходе которого в феврале 2012 года три женщины были задержаны и помещены под стражу за исполнение антипутинского «панк-молебна» на амвоне московского Храма Христа-Спасителя. Несмотря на то, что группа ранее уже безнаказанно совершала несколько подобных акций (включая акцию в православном соборе), государственные СМИ на этот раз сочли нужным общими усилиями раздуть это происшествие, подав его как возмутительное оскорбление всех православных верующих и нападение на традиционные русские ценности, произошедшие в результате заговора, срежиссированного враждебными иностранными силами. Телевизионное освещение в исполнении влиятельных ведущих, таких как Аркадий Мамонтов с канала «Россия» и Андрей Малахов с «Первого канала», буквально демонизировало трех женщин – Надежду Толоконникову, Екатерину Самуцевич и Марию Алехину. Например, Аркадий Мамонтов разглядел искры, как у «нечистой силы», в глазах Толоконниковой, а Андрей Малахов начал выпуск своего ток-шоу «Пусть говорят» с вопроса о том, «как изгнать бесов, поселившихся в наших душах»⁷⁸.

Поэтому неудивительно, что в изображении трех женщин популярными телеканалами доминировали образы, лишаящие их человеческих качеств, приравнивающие их к животным и провоцирующие призывы к жестокому возмездию. В видеозаписи судебного процесса преобладали унижительные кадры женщин в так называемом «аквариуме» (тюремной клетке, в которой обвиняемые находятся во время судебных заседаний), а шокирующие рассказы о плохом обращении с ними обсуждались со смесью презрения и равнодушия. Прозвучали призывы со стороны представителей казачества высечь их (к этим призывам прислушались в ходе Олимпийских игр 2014 года в городе Сочи), а ультраконсервативный комментатор Михаил Леонтьев в своей авторской передаче, выходящей в составе новостного выпуска на «Первом канале», заявил, что их нужно выпороть.

⁷⁸ «Пусть говорят», 15 марта 2012 года: <http://www.youtube.com/watch?v=tF5Na5Wjs3A&noredirect=1> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Зверинные образы оказались тесно связаны с «животным» актом «осквернения», совершенным участницами Pussy Riot. Это позволило втянуть скандал в орбиту межэтнических отношений, поскольку комментаторы провоцировали либеральных оппонентов вопросами о том, как отреагировали бы мусульмане, если бы были оскорблены их чувства. Популярная певица Елена Ваенга создала новый побочный медийный сюжет вокруг этой темы, когда оказалась в центре словесного скандала, написав с ошибкой слово «мечеть» в своем обличительном посте в Твиттере и вызвав этим насмешки со стороны Ксении Собчак. Извлекая этот «мем» из темной периферии официального кремлевского мышления, сам Владимир Путин предположил, что если бы событие произошло на Кавказе, их бы «даже не успели взять под охрану» (то есть их линчевали бы), подразумевая, что чуждость Pussy Riot превосходит даже чуждость нецивилизованного мусульманского мира. С одобрения Путина эта линия набрала силу и прокатилась по государственным СМИ, в итоге заставив Совет муфтиев России выступить с опровержением. Уполномоченный совета отметил, что в Коране приводится случай, когда пророк Мухаммед велел простить человека, помочившегося в мечети^{79,80}.

Другой аспект кампании против Pussy Riot – антисемитизм. Антисемитский подтекст возникал в контексте дела Pussy Riot не один раз. Консервативный писатель Эдуард Багиров заявил, что Pussy Riot поддерживают только «эмигранты, п...сы и жида»⁸¹. В своей книге о столкновении между универсальными либеральными ценностями и национальными культурами патриарх Кирилл отследил истоки этих ценностей к протестантским теологам и еврейским философам, и к этим словам патриарха вновь обратились в контексте антизападных обличений, вызванных к жизни скандалом с Pussy Riot⁸². Антисемитизм, исламофобия и страх перед демократическим движением объединились в иррациональный параноидальный нарратив, при этом придающие анонимность балаклавы и бесформенная неженская одежда участниц панк-молебна послужили дополнительным подтверждением конспиративной логики.

И хотя эпизод с панк-молебном представляет собой в значительной степени искусственно раздутый скандал, было бы неверно недооценивать инстинктивное отвращение, которые отдельные группы в российском обществе испытали по

⁷⁹ См. «Мусульмане вступились за Pussy Riot по предписанию пророка Мухаммеда»: <http://top.rbc.ru/society/10/08/2012/664049.shtml>, 10 августа 2012 (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸⁰ Подробное обсуждение антисемитизма в деле Pussy Riot см. в: Михаил Арапов «Проявления антисемитизма в общественной дискуссии по делу Pussy Riot»: http://www.academia.edu/3372441/Pussy_Riot_Manifestations_of_anti-Semitism_in_the_public_discussion_on_Pussy_Riot (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸¹ См.: 'Pussy Riot verdict greeted with defiance', *The Guardian*, August 17, 2012. Доступно по ссылке: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/aug/17/pussy-riot-verdict-defiance> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸² См.: Patriarch Kirill, *Freedom and Responsibility: A Search for Harmony*, London: Darton, Longman and Todd, 2011.

отношению к участницам Pussy Riot. Трансформация этого отвращения в культурное неприятие по отношению к их «коварной двойственности» – они женщины, но не женственны; они матери (в случае Толоконниковой), но лишены материнского чувства; они русские, но на стороне чуждых сил (глобального правительства, исламистского экстремизма и т.п.) – говорит о многом. Она демонстрирует связи между исламофобскими настроениями и другими, несвязанными, казалось бы, формами народной ксенофобии (антилиберализмом, антизападными настроениями, антисемитизмом, антимигрантскими предрассудками).

6. Ислам, евразийство и «традиционные ценности»

Кампания, которую СМИ развернули против Pussy Riot, воплотила в себе и обострила заметное смещение акцентов в телевизионном освещении культурных вопросов в России. До президентской предвыборной кампании наблюдались значительные различия между более взвешенным подходом, характерным для новостных репортажей, и подходом ток-шоу, где распространены были крайние суждения. Инцидент с Pussy Riot размыл это различие. Теперь программы обоих жанров заполнили апокалиптические образы морального упадка, основанные на причудливых теориях заговора и удивительно манихейском, черно-белом видении мира. С инцидентом неизменно связывался один и тот же круг вопросов: моральный кризис в обществе из-за нарушения границ между дозволенным и недозволенным, между священным и нечестивым; угроза, которую представляют для России и Русской православной церкви оппозиционные заговоры, организованные внутренними и внешними врагами; требования общества принять более жесткие меры против нарушителей общественной морали и порядка; твердая приверженность российских граждан традиционным ценностям. Эти вопросы напрямую связаны с ключевыми элементами нового официального дискурса, характерного для третьего президентского срока Путина. Согласно этому официальному дискурсу, «традиционные ценности» (семья, религия, гетеросексуальность; патриотизм и нация; строгие моральные устои; культурная однородность и конформизм) борются за спасение России от опустошения в результате морального кризиса, исходящего извне и угрожающего погрузить страну в пучину противоположных ценностей: атеизма, либерализма, космополитизма, половой распущенности, моральной неустойчивости и мультикультурных различий.

В рамках уже знакомого нарратива исторические истоки мнимого морального кризиса России отследили к катастрофе большевистской революции 1917 года. Второй, на этот раз современный, источник был найден на Западе. В 2012 году федеральные телекомпании начали помещать российские события в более широкий контекст мирового религиозного кризиса, что дало им возможность представить обнаруженные

в России «моральные прегрешения» как всеобщие. Вторя словам патриарха Кирилла⁸³, Максим Шевченко утверждал в ток-шоу «Поединок» на канале «Россия», что Запад начал войну против религии, исключая ее из общественной жизни. По мнению Шевченко, нападки на религию – часть более масштабной кампании по уничтожению традиционных ценностей незападных обществ (включая Россию) ради более эффективного контроля над ними. Выпуск «Поединка» был посвящен обсуждению неоднозначного законопроекта, в котором предлагалось ввести лишение свободы на срок до пяти лет за оскорбление чувств верующих⁸⁴. Будучи ярким сторонником нового закона, Шевченко заявил, что тот станет щитом между Россией и «безбожной антихристовой цивилизацией Запада», откуда исходят угрозы «нашей религии и традиционным ценностям»⁸⁵.

В той же программе Максим Шевченко описал своего либерального оппонента как одного из тех, кто «не может выносить молитвы русской души»⁸⁶. В обсуждениях Pussy Riot в ток-шоу атеизм представляли как признак политического либерализма и одновременно как моральное прегрешение, тесно связанное с половой распущенностью. По словам Шевченко, только возрождение традиционных религий может стать барьером против «разврата, грязи, денег, проституции»⁸⁷. Согласно его утверждению, «либералы стране кажутся нерусскими, либералы кажутся марсианами стране»⁸⁸. Прибегая к подобному же преувеличению, Аркадий Мамонтов заявил, что защитники кощунственного поступка Pussy Riot составляют «миллионную долю процента»⁸⁹.

При этом Шевченко, который позиционирует себя как специалиста по Северному Кавказу и выступает на стороне мусульман по ряду вопросов, включая палестинский, под традиционными ценностями, безусловно, понимает и ислам в его официальном виде. Но при обсуждении Европы к риторике традиционных ценностей обычно прибегают, выступая против западной мультикультурной толерантности по отношению к исламистскому экстремизму и общественному расколу и вырождению в результате бесконтрольных волн мусульманской миграции. Мы особенно ярко это наблюдали в контексте реакции российских СМИ на связанные с мусульманами беспорядки и акты насилия в Скандинавии и Великобритании весной 2013 года. В этих случаях

⁸³ Kirill, the Patriarch of Moscow and All Russia, *Freedom and Responsibility: A Search for Harmony* (London: Darton, Longman and Todd, 2011).

⁸⁴ См.: www.rg.ru/2012/09/26/veruushie-anons.html (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸⁵ «Поединок», 27 сентября 2012 года: <http://poedinoktv.net/poedinok-s-vladimirom-solovevym-nikolaj-svanidze-protiv-maksima-shevchenko/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸⁶ «Поединок», 27 сентября 2012 года: <http://poedinoktv.net/poedinok-s-vladimirom-solovevym-nikolaj-svanidze-protiv-maksima-shevchenko/> (последнее посещение: 10 января 2015 года).

⁸⁷ «Поединок», 27 сентября 2012 года: <http://poedinoktv.net/poedinok-s-vladimirom-solovevym-nikolaj-svanidze-protiv-maksima-shevchenko/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ См. «Специальный корреспондент: Провокаторы», 24 апреля 2012 года: http://www.youtube.com/watch?v=g_QkRPkTWzk (последнее посещение: 10 января 2015 года)

официальный российский дискурс встал на сторону крайне правых сил в Великобритании, Франции, Скандинавии и других странах и регионах, которые теперь выступают против того, что называют «исламизацией» европейских обществ⁹⁰.

Красноречивый пример можно найти в репортаже программы «Время» о волне мигрантских преступлений, якобы захлестнувшей скандинавские общества⁹¹. И хотя представлены обе стороны истории («коренные» скандинавы и мигранты-мусульмане), очевидное предпочтение отдано тревогам первых, которые жалуются: «норвежская культура умирает. Во многих районах столицы уже не отмечают Рождество, Пасху»; «Норвегия – наивная страна. Мы думаем, что все люди, которые приезжают сюда, принесут нам пользу. Но могут приехать и исламские фундаменталисты совсем с недобрыми намерениями». Репортер в своем заключительном комментарии почти не скрывает презрительного отношения к попустительскому подходу норвежцев к проблеме:

Решать проблемы пока пытаются очень осторожно, политики боятся быть обвиненными в расовой нетерпимости. В Норвегии получившим отказ в убежище даже платят деньги за то, чтобы они уезжали домой добровольно. Три тысячи долларов плюс билет на самолет. Жители таких стран, как Афганистан, Эфиопия, Ирак в дополнение к пособию еще и получают средства на небольшой бизнес у себя на Родине. И все же для многих даже этого мало, чтобы вот так добровольно отказаться от норвежской мечты⁹².

Одно из самых жестких заявлений по проблеме, однако, прозвучало в освещении программой «Время» убийства Ли Ригби в Лондоне. Обычно сдержанное в своей критике в адрес западных обществ и высказывающее менее резкие суждения, чем программы канала «Россия», «Время» на этот раз не стеснялось в выражениях, говоря о первопричинах шокирующего убийства:

Страшный сон спецслужб всего мира стал явью. Террористическая атака волков-одиночек «поколения Найк», которое живет под девизом: «Просто сделай это». И невозможно предсказать, где и кем это будет сделано. <...> Но это очень по-британски: не понимать, что толерантное общество может породить абсолютное зло с радикальной идеей в башке и тесаком в руке. <...> Но даже сегодня военнослужащим приказано не выходить в город в форме, чтобы не раздражать и не рисковать⁹³.

⁹⁰ Например, самая быстро растущая крайне правая организация в Великобритании, «Лига английской обороны», обозначая свою миссию, обращается в первой же фразе к «патриотичным людям по всей стране, которые сыты по горло исламским экстремизмом, исламизмом и бесхребетной неспособностью нашего правительства решить эти проблемы». См.: <http://englishdefenceleague.org/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁹¹ «Время», 24 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233734> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁹² Там же.

⁹³ «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233809> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Позже в этом же выпуске обзорный репортаж пытается оценить значение событий, произошедших почти одновременно в Лондоне и Скандинавии. Критикуя европейскую мультикультурную толерантность и порождаемый ею исламистский экстремизм, а также формулируя угрозу, с которой сталкивается Россия, журналист нагнетает тревогу, и его слова стоит процитировать подробно:

Проблема мигрантов, которые требуют равных прав, но не хотят равных обязанностей, сейчас главная проблема не только Европы, где уже возникли этнические гетто, но и России. Бережное отношение государства к национальной самоидентификации – а это одна из главных европейских ценностей – гостями воспринимается как слабость. <...> Во многих скандинавских школах на Рождество уже не украшают елку: приверженцы других религий могут не понять. <...> В Лондоне появился так называемый «мусульманский патруль», который следит, чтобы женщины не надевали мини-юбки, вне зависимости от цвета кожи, то есть в лучших традициях «равенства». Несколько лет назад в Европе стал популярен слоган, который можно перевести на русский примерно так: «Без паники! Я просто приверженец ислама». Молодежь в шутку носила эти слова на футболках, их печатали на рекламных плакатах. Сегодня фраза: “Don't panic, I'm Islamic” – многим уже не кажется забавной. Билборды убрали, футболки из продажи практически исчезли. Европейских законов радикально настроенная исламская молодежь не боится. Когда свершаются такие чудеса терпимости, даже вдохновителя терактов 11 сентября Абу Катаду, который прямо в Лондоне проповедовал джихад, из Великобритании экстрадировать не решились, потому что негуманно⁹⁴.

Ничего удивительного в этом контексте, что российские политические лидеры стремятся к союзу с крайне правыми силами в Великобритании, Франции, Скандинавии, Соединенных Штатах и других странах, выступающими против так называемой исламизации европейских обществ. Дальнейшему развитию этой же тенденции послужило выступление Владимира Путина на 10-й ежегодном заседании клуба «Валдай». Это выступление многие сочли эпохальным. В нем Путин объявил Россию последним бастионом консервативных христианских ценностей, противостоящим падению нравов в остальной Европе. Осудив мультикультурализм как колониальное наследие, он также подверг критике декадентский европейский либерализм с его продвижением однополых браков и нетрадиционных сексуальных практик. В другом своем выступлении Путин обратился к наследию христианского философа XIX века Николая Бердяева и раскритиковал «так называемую» западную «толерантность» как «бесполою и бесплодную»⁹⁵. Его валдайская речь была процитирована с одобрением и очень подробно в выпусках «Времени» 19 и 22 сентября 2013 года:

Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу

⁹⁴ «Время», 26 мая 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/world/233811> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁹⁵ Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2013 года: <http://kremlin.ru/transcripts/19825> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

западной цивилизации. <...> Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнерство, веру в Бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьез говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии⁹⁶.

В том же выступлении Путин коснулся трений вокруг намерения Украины присоединиться к партнерской программе Евросоюза. Нетрудно понять, почему спустя несколько месяцев, когда разразился украинский кризис 2014 года и когда Россию осудили за присоединение Крыма, были заключены союзы (скорее воображаемые, чем реальные) с правыми, которые выступают против ЕС. Дело в том, что правые не только возражают против политической и экономической экспансии ЕС, но и разделяют многие российские тревоги по поводу слишком терпимого отношения Европы к нарастающей «исламизации» континента и по поводу либерального антагонизма в отношении консервативных христианских ценностей: семьи, церкви и нации. Лидер Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP) Найджел Фарадж и ультраконсервативный журналист и комментатор газеты Daily Mail Питер Хитченс, оба из которых в целом одобряют действия Путина в отношении Украины и регулярно выражают обеспокоенность мультикультуралистским потаканием исламскому фундаментализму, неоднократно появлялись в сюжетах российского англоязычного канала Russia Today (RT).

Связь между антимигрантскими настроениями и исламофобией хорошо согласуется с новой формой русского национализма, которая находит выражение в программах медийных звезд, таких как Аркадий Мамонтов. Этот национализм больше не интересуется территориальное расширение государства, этот национализм ориентирован внутрь, для него характерен изоляционизм. Он особенно враждебен по отношению к трудовым мигрантам, если только они не славяне, и изображает их угрозой самой сути «русскости». Сама по себе эта концепция достаточно связанная, но кампания против миграции на государственных телеканалах произвольно подчеркнула противоречие между таким восприятием российской идентичности и представлением о России как центре уникальной евразийской цивилизации. По этой причине Кремль время от времени подвергает ее критике. Более того, она открыто вступает в противоречие с проектом создания интегрированного евразийского таможенного союза, который призван сблизить Россию, Казахстан и Беларусь (в качестве будущих членов рассматриваются и другие постсоветские страны, такие как Кыргызстан и Таджикистан). Этот проект поддерживается лично Путиным и должен увеличить, а не снизить масштабы движения трудящихся через государственные границы⁹⁷. При этом кажется, что Путин и другие лидеры России всё больше видят в

⁹⁶ «Время», 22 сентября 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/social/242343> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

⁹⁷ См., например, выступление Путина от 19 сентября 2013 года: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

изоляционистском варианте российского национализма с его антимигрантскими ответвлениями важную общественную силу, которую стоит принять на вооружение⁹⁸.

В определенном смысле освещение национального вопроса и миграции после 2012 года, которое в наиболее чистом виде представлено в еженедельном новостном выпуске «Вести недели» канала «Россия», характеризуется большей внутренней логикой, чем освещение, которые мы наблюдали в 2010 и 2011 годах. В 2010 и 2011 годах репортажи пытались сгладить противоречия между Россией как многонациональным государством и Россией как национальной родиной этнических русских. Освещение после 2012 года обнажило противоречия в официальном дискурсе о российской нации как одновременно европейской и уникально евразийской и о Западе как зловредном и строящем козни Другом, который при этом периодически становится союзником России в христианской борьбе против исламистского экстремизма. Таким образом, освещение после 2012 года произвело на свет новый сложный комплекс острых противоречий. В частности, принятие изоляционистского русского национализма на вооружение чревато проблемами, поскольку может вызвать открытые сомнения в убедительности некоторых заявлений самого правительства.

Когда противоречия удастся разрешить, это происходит в основном за счет репортажей, разжигающих национальную рознь. В многонациональном постимперском обществе это опасная стратегия, которая может подорвать стабильность и территориальную целостность страны, поддержание которых имеет первостепенное значение. Об этой опасности свидетельствует новая ярость, с которой в российском общественном пространстве выражаются требования выдворить этнического Другого. Ситуацию усложняет частичное слияние этих требований с усилившейся кампанией против других видов чуждости, таких как чуждость российского ЛГБТ-сообщества и иных дегенеративных порождений «либерального заговора». Во-первых, включая такие кампании в более широкую повестку «традиционных, консервативных ценностей», государство частично уступает ответственность за идеологическое направление политики бескомпромиссно антизападному руководству РПЦ и медийным демагогам, таким как Мамонтов, Киселев и Шевченко. И здесь снова становится видно, что в треугольнике Кремля, общественности и государственного телевидения отношения являются далеко не однонаправленными. Во-вторых, – и это, пожалуй, важнее – размываются границы между «внутренними» и «внешними» Другими, а значит, есть риск трансформации «войны на наших улицах» во внутренний конфликт, который взорвет Россию.

⁹⁸ Nicu Popescu, 'The Strange Alliance of Democrats and Nationalists', *Journal of Democracy*, vol. 23, no. 2, 2012, pp. 46-54.

Еще одним, более драматичным, способом разрешения противоречий после 2012 года стала волна антизападных настроений, спровоцированная украинским кризисом 2014 года. С этой точки зрения обобщенный враждебный Запад затмил собой других представителей пантеона врагов, внутренних и внешних, вокруг которых всё активнее выстраивается официальная российская идентичность. Развязанная СМИ кампания против мигрантов и исламистского экстремизма уступила место еще более яростной, хорошо скоординированной и всеобъемлющей кампании против скрытой агрессии, лицемерия, высокомерия и двуличности запада, одержимого идеей подрыва законных интересов России и расширением сферы своего влияния в ущерб России. Мамонтов, Шевченко, Леонтьев и другие знаменитости государственного телевидения перенаправили свои усилия соответствующим образом. Впрочем, зловещее упоминание Путиным поддерживающих Запад «национал-предателей» в выступлении после присоединения Крыма подтвердило, что другие элементы ксенофобской парадигмы по-прежнему могут привлекаться в качестве вторичных врагов, по мере того как изменяется образ врагов первичных.

Немаловажно, что одним из факторов, стоявших за действиями Путина в Крыму, был его гнев из-за перспективы утраты Украины в пользу Запада, что должно было нанести его евразийским мечтам смертельный удар. И действительно, акцент, сделанный в ходе пропагандистской кампании в период после присоединения Крыма на поддержке русскоязычных и этнических русских в Восточной Украине, можно частично объяснить тем, что этот нарратив способен примирить евразийство с этноцентрической ветвью русского национализма.

Однако применительно к мусульманам, роль которых в украинском кризисе мы рассмотрим в следующем разделе, противоречие между этноцентрическим русским национализмом и евразийством разрешить сложнее. Тем не менее, есть очевидные продуктивные точки пересечения между концепцией западного вырождения, которую предлагает официальный ислам, и консервативными ценностями, которые поддерживаются представителями этноцентрического национализма. Эти точки пересечения придают легитимность и согласованность евразийской парадигме. В частности, Александр Дугин, которого часто называют главным евразийским идеологом Путина и который с начала украинского кризиса всё чаще появляется на «Первом канале» и канале «Россия», не раз подчеркивал сходство исламского и российского консерватизма:

В исламской и православной традиции почти все совпадает. Мы, как и они, отрицаем конкретные аспекты светской, западной, европейской, индивидуалистической концепции прав человека⁹⁹.

⁹⁹ Robert Coulson, 'Russian Conservatives Challenge Notion of "Universal Values"', Radio Free Europe/Radio Liberty Commentary, 10 December 2008:

Еще задолго до украинского кризиса «Первый канал» и канал «Россия» регулярно показывали сюжеты, подчеркивавшие параллели и сходные черты ислама и православия как двух главных традиционных конфессий России. Как и в случае православия, в контексте ислама присутствовала знакомая тема – выставление святынь, почитаемых верующими. В сентябре 2011 года, например, «Вести» сообщали о прибытии в чеченскую столицу город Грозный чаши пророка Мухаммеда¹⁰⁰. Эти параллели помогали проецировать образ гармоничного сосуществования православия и ислама в России. Образ гармонии, отражающий официальную риторику и соответствующий идеям евразийства, подкреплялся характеристикой «исторически традиционной» для России формы ислама как умеренной и мирной. Согласно одному из сюжетов программы «Вести», распространение исламского образования, опирающегося на коренные религиозные традиции страны, – это наилучший способ «идеологически противостоять радикализму и экстремизму», проникающим в Россию извне¹⁰¹.

К различию между коренным «умеренным» российским исламом и исламистским экстремизмом, чуждым России, прибегали, что сгладить очевидные несостыковки между евразийством и антиисламскими тонами кампании против мигрантов. Несколько тревожный сюжет программы «Время» в начале 2013 года о серии арестов в Санкт-Петербурге мигрантов-исламистов из Центральной Азии сопровождался аккуратно сформулированным напоминанием специалиста-исламоведа о том, что опасность, которую представляют арестованные, «именно в том, что они разрушают основы традиционного ислама, размывают его и вовлекают наших мусульман в некие непонятные экстремистские организации»¹⁰².

В настоящее время евразийская парадигма отстаивается в России многими политиками и интеллектуалами, но они по-разному ее трактуют. Евразийское представление о России как особом мире, где взаимодействуют разные культуры и формируется особая наднациональная общность, отличная и от Запада, и от Востока, очень популярно среди элит национальных республик в составе России, включая мусульманские регионы, такие как Татарстан¹⁰³. Они адаптируют евразийство к

http://www.rferl.org/content/Russian_Conservatives_Challenge_Notion_Of_Universal_Values/1358106.html (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰⁰ «Вести недели», 25 сентября 2011 года: <http://vesti7.ru/news?id=28243> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰¹ «Вести недели», 20 ноября 2011 года: <http://vesti7.ru/news?id=29983> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰² «Время», 4 марта 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/crime/227718> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰³ См., например: Dmitry Shlapentokh, ed., *Russia between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism* (Leiden: Brill, 2007) и Caroline Humphrey, “Eurasia”. Ideology and the Political Imagination in Provincial Russia’, in C. M. Hann, ed., *Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* (London: Routledge), 2002, pp. 258–276.

местным условиям, рассматривая его как эффективный инструмент преодоления своего маргинального положения посредством стратегии выхода за пределы.

Обращение к евразийской теории, чтобы подчеркнуть важное значение местных культурных традиций в рамках российской общности, можно рассматривать как особую реакцию неевропейских меньшинств России на постимперскую ситуацию. Дело в том, что изначальное евразийское движение 1920-х годов предлагало на тот момент, пожалуй, наиболее планомерное противодействие культурному и политическому империализму Европы. В контексте национальных республик в составе России евразийство по сути заменяет собой постколониальную парадигму. Оно имеет отчетливый антиколониальный посыл и бросает вызов культурным иерархиям, которые преобладают в российских интеллектуальных дискурсах, рассматривающих Россию как часть Европы. В рамках предложенной евразийством концепции лидеры нерусских автономий в составе Российской Федерации могут привлечь внимание к значению собственного местного опыта и традиций, которые в противном случае остаются маргинализированными. При этом евразийство рассматривает Россию не как колониальную державу, а как общность, которая сама находится под угрозой колонизации со стороны Запада, отсюда и его совместимость с российским официальным дискурсом после смены украинского режима в 2014 году. Сопоставляя якобы положительный российский опыт России управления национальным многообразием с разрушительной природой западноевропейского колониализма, евразийство было и остается попыткой сформулировать новую идеологию для российской империи, и оно не поощряет сомнений в политических практиках и культурных установках России¹⁰⁴. Как и в прошлом, сегодня евразийство продвигает не критическое рассмотрение, а мифологизацию культурных и политических взаимодействий народов «России-Евразии».

Официальный российский дискурс о евразийстве и традиционных ценностях, как показывает наш анализ его присутствия на российском государственном телевидении, выстроен вокруг нескольких осей, которые также пронизывают освещение таких вопросов, как миграция, терроризм и межнациональная рознь. Часто в зависимости от обстоятельств эти оси применяются выборочно или без корректировки друг относительно друга. А временами они сливаются и сталкиваются, выявляя глубокие противоречия. В качестве примера можно привести теракт на бостонском марафоне в апреле 2013 года.

Теракт на марафоне стал, по словам Элиота Боренштейна, проблемным событием как для американских СМИ, так и для российских, поскольку нарушил стандартный

¹⁰⁴ См., например, Marlene Laruelle, *Russian Eurasianism, An Ideology of Empire* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2008) и Gerasimov, Glebov and Mogilner, *The Postimperial Meets the Postcolonial: Russian Historical Experience and the Postcolonial Moment*, pp. 102-109.

нарратив войны против терроризма¹⁰⁵. Преступники – братья Царнаевы – не соответствуют стереотипному образу безумных, смуглых, ненавидящих США арабских террористов: младший Царнаев, светлокожий, одаренный учащийся американского колледжа, был хорошо интегрирован в общество; старший брат до недавнего времени мечтал представлять США в соревнованиях по боксу. Более того, для американских СМИ они выходцы из сообщества смелых чеченских борцов за независимость, выступления которых с такой жестокостью подавил (бывший) противник США по холодной войне.

Теракт предложил российским государственным средствам массовой информации очевидный пропагандистский потенциал, однако их реакцию нельзя назвать ни немедленной, ни абсолютно последовательной. Значительное место в самых первых репортажах программы «Вести» об этом событии заняли заявления главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова, который отрекся от Царнаевых и отрицал какую-либо связь братьев с Чечней (и действительно, они там никогда не жили). За этим последовали несколько репортажей, в которых радикализация братьев связывалась с их воспитанием в американской среде, способствовавшей отчуждению и испорченности¹⁰⁶. Здесь на первый план вышла евразийская критика западных ценностей. Однако уже вскоре эти мотивы были вытеснены новой доминирующей линией в освещении теракта: связью между борьбой России против терроризма на своей территории, глобальной войной против терроризма и необходимостью поставить сотрудничество России и США выше взаимных подозрений¹⁰⁷. Подразумевалась критика текущих приоритетов США в двусторонних отношениях. Акцент на войну против терроризма дополнялся многочисленными напоминаниями о том, что за год до теракта ФБР получило от ФСБ предупреждение касательно Царнаевых¹⁰⁸. Подчеркивалось также восхищение сирийским оппозиционным движением, которое выражал старший брат. Эту поддержку продемонстрировали посты на его странице «В контакте», и ее, разумеется, разделяют сами Соединенные Штаты¹⁰⁹.

¹⁰⁵ См.: Eliot Borenstein, 'Off-White like Dzhokhar', Jordan Center for the Advanced Study of Russia, May 2013: <http://jordanrussiacenter.org/news/off-white-like-dzhokhar/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰⁶ Заголовок репортажа Евгения Попова включал провокационную цитату: «Американцы не хотят признавать, что в Бостоне их убивали свои». См.: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1077896> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰⁷ Один сюжет «Вестей» был озаглавлен «Царнаев оказался сторонником джихада и фанатом Басаева», «Вести», 28 апреля 2013 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1079999> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰⁸ См., например, «Агенты ФБР не признали в Царнаеве террориста», «Вести», 20 апреля 2013: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1077658&tid=102834> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹⁰⁹ Несколько сюжетов программы «Время» цитировали слова политолога из Дамаска Тьери Мейсана, который привлек внимание к количеству чеченских наемников, сражающихся на стороне повстанцев в Сирии. См. «Бостонский террорист Джохар Царнаев отказывается давать показания», «Время», 28 апреля 2013 года: <http://www.1tv.ru/news/print/231887> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Если попытаться отследить причины загадочной и внезапной радикализации двух молодых благополучных иммигрантов (хотя старший брат Тамерлан уже некоторое время назад начал выражать свое презрение к американскому обществу и отчуждение от него), то можно увидеть, что глобальная *умма* сыграла в этом важную роль при посредничестве виртуального мира сети Интернет. Сообщается, что на Тамерлана повлиял шейх Фейз Мухаммад, родившийся в Австралии и регулярно размещающий на своем сайте провокационные призывы взяться с оружием¹¹⁰. Ясно, что многочисленные и противоречивые пути, приведшие братьев к совершению ужасного деяния, можно одинаково успешно проследить и в российских СМИ, и в американских. Однако наблюдаются различия в этих запутанных комбинациях. Например, в российских СМИ более серьезно, чем в британских или американских, отнеслись к эмоциональной защите, выстроенной родителями Царнаевых, и к их утверждениям о «подставе» со стороны ЦРУ¹¹¹. Мотив роли ЦРУ соответствовал культуре антиамериканских теорий заговора, которые можно встретить и в других российских новостях. В многогранной теме бостонского теракта сталкиваются несколько нарративов: США как удобный союзник в общей борьбе против радикального ислама; радикальный ислам как продукт западного вырождения, чуждый традиционному умеренному исламу, который исповедуют в России; США как коварный и враждебный рыцарь холодной войны. Как мы могли убедиться, триада идентификации с кем-то и против кого-то (Россия / ислам / Запад) подвергается постоянной реконфигурации, это особенно хорошо видно в причудливой истории о двух братьях.

На мгновение возникла тень вероятности, что бостонский теракт может запустить процесс согласования российских и американских интересов. И хотя вероятность этого согласования стремительно таяла, роль России в улаживании кризиса с сирийским химическим оружием, который угрожал спровоцировать еще одну ближневосточную войну летом 2013 года, и совпадение западных и российских позиций касательно проблемы джихадизма, лежащего в основе сирийского движения сопротивления Башару Асаду, на миг указали именно в этом направлении. Однако последствия киевского Евромайдана нанесли смертельный удар этой призрачной возможности.

Таким образом, существует многоуровневая взаимосвязь, с одной стороны, между сокращением различий между Россией и ее западным противником, а также между Россией и ее внутренним Другим (как мы показали, внутренние и внешние Другие и сами склонны входить и выходить из равновесия), а с другой стороны, между сокращением этих различий и расширением терпимости по отношению к (политической) неоднородности внутри русского Я.

¹¹⁰ См.: Ted Jeory, 'Britain warned about cleric who may have influenced Boston bombers', *Daily Express*, Saturday April 20, 2013: <http://www.express.co.uk/news/uk/393407/Britain-warned-about-cleric-who-may-have-influenced-Boston-bombers> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹¹¹ См., например, сюжет НТВ под заголовком «Отец братьев Царнаевых считает, что их подставили», 19 апреля 2013 года: <http://www.ntv.ru/novosti/564697/#ixzz2QvCG4sTf> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Между тем, ислам оказался зажат потоками, которые сформированы тремя главными нарративами. Первый из них – новый упор на традиционные евразийские ценности, частью которых в своем исконном российском варианте является и ислам. Альтернативный нарратив изображает Россию как лидера традиционно христианской Европы, внутри которой ислам в лучшем случае занимает маргинальное положение. В рамках третьего нарратива Россия предстает как светская европейская страна в центре столкновения цивилизаций, в котором ислам в своей фундаменталистской форме является враждебным Другим. Государственное телевидение продолжает служить главной площадкой, на которой происходит встреча этих нарративов.

7. Новые мусульмане России

Как уже было отмечено, казалось, что усиленное нагнетание антизападных настроений, которое последовало за украинским кризисом, вытеснило кампанию против миграции и исламистского экстремизма из российской новостной повестки дня. Однако этот кризис породил новый перечень вопросов, которые связаны с мусульманами и которым западные СМИ уделили значительно меньше внимания при освещении последствий Евромайдана, чем они того, пожалуй, заслуживали. Ведь присоединение Крыма в марте 2014 года подразумевало и принудительное включение в состав населения России 300 тысяч крымских татар, в основном враждебно относящихся к стране, которую они ассоциируют с насильственной депортацией при Сталине, и выступавших против выхода из состава Украины.

На самом деле трения между крымскими татарами и этническими русскими не появились в новостном пространстве неожиданно в контексте украинского кризиса. Российские новостные СМИ и раньше время от времени уделяли внимание спорам между русскими и татарами на Крымском полуострове. Например, в июле 2011 года канал «Россия» коротко сообщил о столкновении представителей крымского казачества с татарами, выступающими против водружения поклонного креста на въезде в Феодосию¹¹². В 2013 году глава одной из фракций Верховного Совета Крыма предложил привлечь российского актера Алексея Панина к ответственности за разжигание национальной розни. Панин позволил себе нелицеприятные высказывания о татарском населении. Значение инцидента было преуменьшено в кратком репортаже канала «Россия», где подчеркивалось, что актер принес свои извинения и что конфликт, по его словам, возник с конкретным человеком, а не со всеми татарами¹¹³.

¹¹² «Вести», 3 июля 2011 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=496811&cid=9> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹¹³ «Вести», 28 августа 2013: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1122980&cid=9> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

Оба упомянутых инцидента произошли в годы правления в целом прорусского президента Виктора Януковича. Если вспомнить более ранний период прозападного режима Ющенко, не кажется удивительным, что конфликт татарской и русской общин на Крымском полуострове по поводу прав на землю получил гораздо больше внимания, причем негативного, чем более поздние сюжеты. Один такой репортаж о земельном конфликте сосредоточился на массовом протесте татар против «ксенофобии и расизма» украинских властей, хотя в конце и упоминалось, что значительные земельные площади были самовольно захвачены татарами, выступающими против нового строительства на территориях, которые они считают по праву своими¹¹⁴. Разница в тоне этого репортажа и репортажей более позднего периода лишней раз демонстрирует оппортунизм российского государственного телевидения при освещении международных отношений, в особенности вопросов, связанных с этническими и религиозными меньшинствами. Следует также отметить, что более ранние трения между татарами и Киевом пригодились, когда пришло время реагировать на татарские протесты против присоединения Крыма Россией.

В дни, предшествовавшие референдуму, который послужил поводом для присоединения Крыма к России, имело место напряженное противостояние в столице Крыма Симферополе между этническим русскими, поддерживающими действия России, и татарами, выступающими против отделения и за сохранение Крыма в составе Украины. Российское государственное телевидение отдало свое предпочтение точке зрения этнического русского меньшинства с его призывами выступить против «фашизма» участников Майдана и за воссоединение с Россией. Оно даже прибегло к заведомо провокационному обозначению «крымская весна» для описания настроений пророссийских активистов¹¹⁵. Тем не менее, на этой ранней стадии еще не совсем закрепился преобладающий российский нарратив о Крыме и Украине, который в течение следующих нескольких недель почти полностью устранил альтернативные мнения из официальной медийной сферы. В своем репортаже о противостоянии программа «Вести», например, коротко процитировала комментарии представителей протестующих татар:

Крымско-татарский народ добивается сохранения своей целостности, крымско-татарской автономии в составе Украины. Мы не хотим быть в таможенном союзе¹¹⁶.

При этом в гораздо более длинном рассказе о последующей драке говорилось, что «крымские татары пошли в атаку всей массой», а «чуть ли не весь Симферополь» встал

¹¹⁴ «Вести», 18 ноября 2007 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=148062> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹¹⁵ «Вести», 9 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1359839> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹¹⁶ «Вести», 27 февраля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1327660&cid=1> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

на защиту «мирных протестующих». Упоминался и страх проникновения в Крым «боевиков с киевского майдана»¹¹⁷. Программа «Время» на «Первом канале» сообщала, что «радикалы» из числа татар, подстрекаемые членами украинского «Правого сектора», которые, как утверждалось, тоже присутствовали, кричали: «Аллах Акбар!» («Слава Аллаху»). Сюжет, таким образом, провокационно поднял вопрос мусульманского экстремизма среди татар¹¹⁸.

По мере развития событий татарский вопрос то исчезал, то возвращался в официальный российский медийный нарратив. Его нельзя было избежать, поскольку он потенциально мог нарушить связность и легитимность нарратива. Тот факт, что государственные телекомпании предложили широкий спектр не всегда совместимых ответов на него, свидетельствует об их затруднительном положении. Сразу после принятия решения о проведении референдума о статусе Крыма в составе Украины заметное место получила идея, что небольшая группа исламистских экстремистов при поддержке киевских сил пытается посеять среди умеренного большинства крымских татар религиозный антагонизм по отношению к России. Отражая серьезное усиление антагонистической риторики журналистов государственных каналов, репортаж «Вестей», показанный за неделю до крымского референдума, обратился к сомнительному авторитету чеченского лидера Рамзана Кадырова и дал следующее объяснение причин, лежащих в основе татарских возражений против референдума:

Желая остановить стремление людей к России, киевские власти пытаются сравнить в Крыму русских и крымских татар. Не получается. Отрядам националистов и экстремистов, которые могут приехать на полуостров, будут противостоять и мусульмане, в том числе российские. «Кто хочет втравить татар в войну? Это шайтаны! Там есть ваххабисты, бандеровцы...», — сказал глава Чечни Рамзан Кадыров¹¹⁹.

Другая вариация той же линии сосредоточилась на роли Меджлиса (или совета представителей) крымскотатарского народа в нагнетании мусульманского экстремистского антагонизма по отношению к России. В период референдума был стратегически использован тот факт, что одним из главных зачинщиков Евромайдана был бывший председатель крымского меджлиса Мустафа Джемилев. Именно это придало убедительности сопутствующему утверждению о том, что возражения мусульман против действий России координировались из Киева и что, как сказала вице-премьер правительства Крыма Ольга Ковитиди, «напряженные межнациональные отношения в Крыму – это выдумка украинских политиков» и

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ «Время», 26 февраля 2014 года: <http://www.1tv.ru/news/world/253025> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹¹⁹ «Вести», 9 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1359839&cid=5> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

«радикальные силы, например, меджлис, пока еще не влияют на настроения всех крымских татар»¹²⁰.

Столь же противоречивую точку зрения озвучил Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России, чьи высказывания обычно согласуются с позицией Кремля. Посвятив целый сюжет визиту Гайнутдина в Крым вскоре после присоединения, программа «Вести» канала «Россия» упомянула беспокойство мусульманского лидера по поводу распространения исламизма среди крымских татар и его мнение об ответственности Киева за это:

По словам Гайнутдина, среди крымских татар ощущается влияние радикальных религиозных течений. Когда Крым входил в состав Украины, киевские власти дали разрешение на официальную регистрацию движения «Хизбут тахрир», ряда салафитских организаций и других радикальных организаций. Все эти движения были намерены создать оппозицию официальному муфтияту и дестабилизировать обстановку¹²¹.

Этот нарратив и ранее упомянутое предположение, что активисты «Правого сектора» действовали в Симферополе заодно с радикальными исламистами, в свою очередь, противоречат утверждению, что представители «Правого сектора», напротив, участвовали в осквернении мечетей и других мусульманских святынь, «чтобы вызвать беспорядки на религиозной почве», и что крымские казаки пришли на помощь татарам, защищаям свои мечети от этих провокаций¹²².

Этот нарратив также не вполне согласуется с другим тревожным мотивом, который периодически звучал в период перед референдумом: речь идет о глубокой заинтересованности Турции в судьбе крымских татар. «Вести» посвятили целый репортаж этой теме, начав с наблюдения, что крымские татары в целом противостоят усилиям, направленным на то, чтобы столкнуть их с этническими русскими. И это несмотря на то, что западные вещатели, такие как телеканал Euronews, подчеркивают готовность Турции оказать материальную поддержку татарам в их борьбе за возможность остаться в составе Украины¹²³. Однако репортер «Вестей» пошел дальше, развив эту тему в чисто умозрительном ключе. Вопреки суждению, высказанному в других сюжетах на российском государственном телевидении, что украинские националисты подогревают татарское недовольство Россией и желание остаться в составе Украины, он утверждал, что татары, наоборот, уже давно

¹²⁰ «Вести», 23 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1404434&cid=7> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²¹ «Вести», 4 апреля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1444339> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²² «Вести», 1 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1335977&cid=7> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²³ «Вести», 9 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1359842> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

переориентировались на Турцию, с которой у них очевидные религиозные и этнические связи:

Все последние два десятка лет украинского развала, крымско-татарская диаспора только набирала политический вес. И по мере того как слабела Украина, все чаще раздавались голоса, о том, что Крым должен стать частью нового большого Турецкого государства. На территории Крымской автономии открывалось все больше турецких учебных заведений, множились курсы турецкого языка, осваивались гранты неправительственных организаций. И если бы не события последних недель, то из ослабевшей Украины Крым в течение 5-10-ти лет поступательно и де-факто перешел бы под полный контроль Турции, став частью этой страны. На страницах турецких СМИ активно обсуждается вопрос воссоединения Крыма не с Россией, а с Турцией¹²⁴.

Однако вскоре алармистские голоса начали вытесняться менее конфронтационным подходом, присутствовавшим с самого начала. Особое внимание уделялось посреднической роли Татарстана. Как только разразился крымский кризис, «Вести» передали призыв властей Татарстана к крымским татарам «жить в мире и согласии с русским населением Крыма и отказаться от радикальных способов решения конфликтов», а также призыв ко всем сторонам не «вбивать клин между русским народом, крымско-татарским народом и украинцами»¹²⁵. Президент Татарстана Рустам Минниханов в своем интервью, взятом позднее и показанном в программе «Вести» перед референдумом, настойчиво подчеркнул, что все татары, крымские и казанские, очень близки, и выразил обеспокоенность тем, что разрушительный дух Майдана может передаться Крыму¹²⁶.

Освещая сам референдум, российские СМИ с трудом могли игнорировать хор западной критики в его адрес, включая обсуждение того факта, что крымские татары бойкотировали голосование. Как всегда проявляя большой интерес к дискурсу о России в других сегментах ныне широко доступных глобальных СМИ и осознавая необходимость реагировать на него, «Вести» в репортаже об итогах референдума признавали европейское и американское осуждение голосования и, в частности, бойкота со стороны татар¹²⁷. Однако на каждом этапе предпринималась тонкая попытка ослабить и опровергнуть западную версию, преимущественно используя – и иногда вводя зрителей в заблуждение – плюрализм мнений, который характерен для демократических обществ. Сам заголовок репортажа («Западные СМИ усомнились в

¹²⁴ «Вести», 9 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1359842> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²⁵ «Вести», 27 февраля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1328858> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²⁶ «Вести», 1 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1336116&cid=1620> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²⁷ «Вести», 17 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1385940> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

«запугивании» крымчан во время референдума»¹²⁸) указывал на принятую стратегию: сообщения из западных источников, ставящие под сомнение законность процесса и подчеркивающие бойкот голосования со стороны татар, сопоставлялись с комментариями из тех же или сходных источников, которые опровергали или вызвали сомнение в запугивании (но без конкретной отсылки к татарам).

Как только референдум произошёл и последовавший за этим процесс присоединения к России был завершён (по крайней мере, с точки зрения Кремля), в официальном новостном освещении Крыма другой дискурс о татарах, присутствовавший с самого начала, вышел на первый план. И наоборот, преобладавшие до этого дискурсы о татарском мусульманском экстремизме и украинской провокации продолжали всплывать и в период после присоединения, но уже в меньшей степени. Найдя свое воплощение в выступлении Путина перед обеими палатами российского парламента после присоединения Крыма, этот новый доминирующий дискурс принял форму открытого признания правомерности исторических обид крымских татар, а также заверения, что их права и интересы будут гарантированы после «возвращения» Крыма России, и обещания новой эры татарско-русского сотрудничества и гармонии. Благодаря этому обращению упомянутый дискурс дополнили выражение радости по поводу того, что в уже большое и влиятельное мусульманское сообщество России влились ещё 300 тысяч крымских татар, и идея, что Крым теперь может служить микрокосмической моделью мультикультурного многоконфессионального государства, каким и является Российская Федерация¹²⁹.

В телевизионных новостях дискурс гармонизации часто передавался устами личностей, которые имели больше шансов добиться доверия со стороны крымских татар, испытывающих серьезные подозрения относительно мотивов Российской Федерации. Их другая – возможно, более достижимая – задача заключалась в том, чтобы убедить этнических русских, что большая мусульманская община России не разделяет татарский экстремизм. Равиль Гайнутдин также сыграл в этом решающую роль. Сразу после обращения Путина канал «Россия» и «Первый канал» широко освещали визит в Крым главного муфтия России, причем «Россия» подробно цитировала обнадеживающие слова Гайнутдина:

«Я поехал в Крым не как политик или дипломат, а как духовный пастырь», — говорит Равиль Гайнутдин. По его словам, <...> Главный вопрос был в том, почему крымские татары не хотят жить в России вместе с 20-миллионной мусульманской общиной. Этот вопрос задавался и духовенству, и простым людям, и политикам. Во всех случаях выяснялось, что крымско-татарское население плохо понимает сложившуюся ситуацию. Им не ясно, как сложится судьба

¹²⁸ «Вести», 17 марта 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1385201> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹²⁹ Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 года: <http://kremlin.ru/news/20603> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

народа при присоединении Крыма к России, так как крымские татары до сих пор остаются депортированным народом, носящим клеймо предателей родины. «Моя задача была – услышать все это и передать им слова нашего президента, которые я слышал в зале Кремля. О том, что крымско-татарский народ должен быть реабилитирован, а крымско-татарский язык должен стать одним из государственных языков Крыма, а народ должен получить те же права и свободы, которыми пользуются все россияне»¹³⁰.

Показанный накануне репортаж также заверял, что крымские татары будут должным образом представлены в новых структурах власти и управления, сформированных после воссоединения с Россией, что будет создан специальный Комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан (как ни странно, подобные инициативы отсутствовали в годы украинского правления) и что татары получают законные права на землю, которую они населяют со времен возвращения в Крым после долгих лет ссылки¹³¹.

Рана, которую нанесла татарам депортация их Сталиным за «измену» в 1944 году (им дали разрешение вернуться только в середине 1980-х при Горбачеве), продолжала гноиться и в постсоветской Украине. Нетрудно понять, почему принудительное возвращение Крыма России в 2014 году эту рану растравило. Очевидно, что после присоединения Крыма российские власти предприняли целенаправленные усилия по решению этого вопроса, и он занял видное место в телевизионных новостях в апреле 2014 года. Например, на канале «Россия» вышел сюжет «Вестей», посвященный наградам и номинациям фильма о депортации и ее влиянии на татарское население¹³². За этим последовал отдельный сюжет о решимости Владимира Путина сделать ускорение процесса реабилитации первоочередной задачей и о его готовности встретиться с лидерами крымских татар. Эти усилия продолжались до конца мая. Так, в мае вышло несколько репортажей «Вестей»: о татарской церемонии поминовения жертв депортации¹³³, о выставке искусства крымских татар в Москве¹³⁴, о переводе на крымскотатарский язык нового Интернет-ресурса, направленного на продвижение межэтнической гармонии по всей России¹³⁵.

Однако альтернативные дискурсы, которые были более широко распространены в преддверии референдума, не исчезли совсем. На самом деле об их устойчивости как

¹³⁰ «Вести», 4 апреля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1444339> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³¹ «Вести», 3 апреля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1439679> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³² «Вести», 1 апреля 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1435019> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³³ «Вести», 18 мая 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1593038> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³⁴ «Вести», 27 мая 2014 года: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/601245/cid/460/> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³⁵ «Вести», 26 мая 2014 года: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/137321 (последнее посещение: 10 января 2015 года)

раз свидетельствует тот факт, что им вообще уделялось хоть какое-то внимание в государственных СМИ, которые теперь транслировали более управляемую и однозначную версию политически щекотливых новостей, чем когда-либо, даже в другие периоды путинского руководства. В частности, тему мнимого намерения Евромайдана использовать татарский вопрос для дестабилизации Крыма оставили на повестке дня как способ объяснить продолжающуюся враждебность татар по отношению к России. В начале мая сообщалось, что крымские власти после присоединения к России запретили лидеру Евромайдана и бывшему главе Меджлиса крымскотатарского народа Мустафе Джемилеву въезд на территорию Крыма из страха, что он может спровоцировать волнения на полуострове в «своих корыстных интересах»¹³⁶. В том же месяце президент Путин заявил, что крымские татары не должны стать «разменной монетой» в спорах между Москвой и Киевом, настаивая, что вопрос депортации будет решаться в контексте исторических несправедливостей, от которых пострадали и другие этнические меньшинства, живущие в Российской Федерации¹³⁷.

Ясно, что многие крымские татары по-прежнему неохотно рассматривают себя как «новых мусульман России», и маловероятно, что их обиды и порождаемые ими трения в ближайшее время перестанут подрывать и усложнять официальный медийный нарратив. Работа над этим докладом завершалась в конце 2014 года, когда тема подавления татарских протестов в Крыму стала получать всё более широкое распространение, а в новостях на государственном телевидении снова стали доминировать сюжеты, связывающие их с исламским экстремизмом и волнениями, подстрекаемыми Западом.

¹³⁶ «Вести», 2 мая 2014 года: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1539920&tid=106314> (последнее посещение: 10 января 2015 года)

¹³⁷ «Вести», 16 мая 2014 года: http://russia.tv/video/show/brand_id/5402/episode_id/987968/video_id/1001128 (последнее посещение: 10 января 2015 года)

8. Заключение

Наш анализ демонстрирует сложность, изменчивость и непоследовательность освещения российским государственным телевидением вопросов, связанных с исламом. Эта сложность указывает на противоречия, сдвиги и неопределенности в официальном дискурсе касательно (а) изменений в российской политической и социальной среде; (б) событий на международной арене; (в) отношений между государством и СМИ. Сложность также отражает особенно инструментальный и оппортунистический подход российских официальных лиц к событиям во всем мире.

Во-первых, изученный нами период продемонстрировал неуклонную «исламизацию» проблем на Северном Кавказе, начиная с 2012 года. С одной стороны, это неудивительно. Это отражение нескольких явлений, среди которых: усиление международной тревоги по поводу распространения экстремистской исламистской идеологии; внутривнутриполитические приоритеты в связи с растущей народной антипатией по отношению к иммигрантам из преимущественно исламских регионов Северного Кавказа и Центральной Азии, которую обострили регулярные исламистские теракты на Северном Кавказе и в других регионах России; всё более «руссцентричный» и ориентированный на православие дискурс, который Кремль использует в ответ на эту антипатию.

Немного более удивительной кажется та скорость, с какой руссоцентризм, по крайней мере, на какое-то время, затмил (но так и не вытеснил полностью) официальные дискурсы о Российской Федерации как модели многокультурного, многоконфессионального, гармоничного государства, которые преобладали в государственных СМИ как минимум до 2010 года. Следует также отметить, что вместо того, чтобы служить лишь пассивным инструментом государственной идеологии, некоторые видные телевизионные деятели сами играют активную роль в формировании и интерпретации этой идеологии, иногда выбирая более крайние варианты, чем было задумано ее инициаторами (Дмитрий Киселев и Аркадий Мамонтов – наиболее яркие примеры).

Рассмотренный нами материал указывает на сдвиг, произошедший после переизбрания Владимира Путина на третий президентский срок в 2013 году. С этого времени враждебность по отношению к тому, что воспринимается как пагубные исламистские тенденции, поражающие мусульманское население российского Северного Кавказа и Центральной Азии, оказалась еще более тесно переплетена с антагонизмом по отношению к Соединенным Штатам, Западной Европе и либеральной оппозиции внутри России. Одним из нескольких проявлений этого сложного и противоречивого явления стала необычайная желчность в отношении европейских обществ, которые якобы сами создали условия для исламистского

экстремизма из-за своей одержимости культурным релятивизмом и толерантностью к любым культурным различиям.

Та же желчность проявлялась и в отношении продолжающейся волны революций в арабском мире, в частности, восстания против президента Асада в Сирии. Растущая роль исламизма и джихадизма в оппозиционном движении стала проблемой для западных стран, обеспокоенных радикализацией собственных граждан-мусульман, что позволяет Кремлю изображать себя наиболее последовательным и искренним поборником жесткой линии в отношении экстремизма и страной, идеально подходящей для переговоров с Асадом по поводу сдачи его арсенала химического оружия. «Первый канал» и канал «Россия» были одинаково последовательны в своей приверженности этой линии и в выражении беспокойства касательно судьбы народных восстаний в целом (при этом угроза дальнейших «цветных революций» остается устойчивой угрозой интересам России вблизи ее границ). Впрочем, в случае Турции нужно сохранять осторожность, учитывая парадокс: за турецкими беспорядками стоят светские возражения против якобы чрезмерной исламизации турецкого общества. Любопытно, но закономерно, что освещение российским государственным телевидением именно этой ситуации достигло максимальной многогранности и сбалансированности. Инструментальный подход остается ключевой тенденцией в российском освещении внешней политики. При этом он может приводить как к противоречию и нарушению последовательности, так и временами к более тонкому и сбалансированному освещению, чем то, какого мы привыкли ожидать от государственных телекомпаний.

Подобной тонкости почти не видно в антимигрантской кампании, которая совпала с большей частью нашего периода. Ясно, что она была запущена с одобрения Кремля как часть усилий, направленных на то, чтобы успокоить этнических русских, встревоженных последствиями переезда населения с Северного Кавказа и из Центральной Азии в Россию по экономическим причинам. Однако эта кампания часто выходила за рамки официального дискурса в своей враждебности по отношению к нравам мигрантов, включая их якобы склонность исповедовать чуждую и угрожающе экстремальную форму ислама. Это отчасти объясняется очевидным отсутствием редакционных инструкций касательно освещения новостей с этническим аспектом. Однако это также отражение ситуации, когда видные и популярные медийные фигуры получают свободное пространство, в рамках которого могут активно формировать повестку дня и задавать ей направления, которые противоречат официальной политике (согласно которой Россия – гармоничное, многонациональное и многоконфессиональное государство), но при этом соответствуют политической стратегии режима.

Кампания против мигрантов продолжалась в течение всего 2013 года и после перерыва, связанного с всепоглощающим украинским кризисом, по всей вероятности, возобновилась. Ее антиисламская составляющая пересекалась с тремя несовместимыми дискурсивными потоками, причем все три проявились в освещении кампании каналом «Россия» и «Первым каналом». Первый представлял собой изоляционистский вариант русского национализма под лозунгом «Россия для русских», выступающий за прекращение миграции из мусульманских регионов России (а также из-за границ России) и проявляющий мало интереса к внешнему миру. Он сосуществовал с мессианским вариантом национализма, который начал выходить на первый план к концу 2013 года и который изображал Россию лидером христианского мира и защитницей консервативных христианских ценностей. Ислам, разумеется, плохо сочетался с этими двумя дискурсами, но нашел свое место в третьем. Третий дискурс представляет собой евразийский вариант русского национализма и выступает за то, чтобы Россия оставила надежды на ассимиляцию внутри Европы, обратила свой взгляд на Восток и восстановила свои исторические связи с мусульманскими землями в Центральной Азии и за ее пределами. Каждый из вариантов дискурса можно сопоставить с кем-то из ключевых деятелей российского национального телевидения (Мамонтов, Киселев и Шевченко, соответственно).

Неприятие толерантности, характерное для первых двух нарративов и особенно сильно отраженное во втором, подпитывалось отрицательной подачей последствий, к которым может привести чрезмерное потакание культурам нехристианских меньшинств в западных странах. Такая подача придавала легитимность кампании против девиантного и дегенеративного поведения мигрантов, а в текущем контексте речь шла и об организованной СМИ кампании против вызывающего ношения хиджаба школьницами-мусульманками в городах на границе с Северным Кавказом. Кампанию вдохновили сторонники христианского консерватизма, такие как Киселев, но она не сопровождалась осознанием противоречий, связанных с упором на статус России как светского государства, которое не поощряет навязывания религиозных ритуалов государственным институтам.

Постоянная критика в адрес поведенческих норм мусульманских меньшинств в России опиралась на дискурс конфликта культур (который, в свою очередь, сформировался под влиянием теории столкновения цивилизаций Хантингтона). Это, в свою очередь, было частью тенденции, наблюдаемой и в других частях Европы, а именно так называемого культурного расизма, в котором неприкрытое предубеждение, основанное на биологических характеристиках, уступает место «выпадению» — подходу, при котором опускаются признаки расы, национальности, культурных особенностей и религиозных убеждений. Это позволяет использовать якобы рациональные причины, основанные на якобы осознанном, наблюдаемом поведении

для придания легитимности предрассудкам, которые сохраняют скрытую биологическую основу.

Явление «выпадения» имеет широкий спектр серьезных последствий, выходящих за пределы России. Для российской новостной повестки дня с 2010 года было характерно следующее: во-первых, общественные беспорядки в связи с предполагаемой нелегитимностью третьего президентского срока Путина; во-вторых, яростная кампания антагонизма по отношению к растущему числу мигрантов в России, вызванная беспокойством по поводу растущей народной ксенофобии и подъема исламистского экстремизма в России и других странах; наконец, беспрецедентный уровень антизападных настроений, которые сопровождали российское вмешательство в украинский кризис 2014 года. Федеральное телевидение реагировало на эти события во всё более параноидальной манере, выстраивая официальную версию российской государственности в абсолютном противопоставлении обобщенному Другому, воплощением которого поочередно становились протестующие либералы, трудовые мигранты, исламские экстремисты и темные западные силы, плетущие заговор против России издалека и изнутри.

Элементы антизападных настроений также фигурируют в евразийских тенденциях, которые выходят на первый план в определенных аспектах официального российского медийного дискурса. Речь идет, в частности, об отторжении либеральных ценностей, которое характерно и для традиционного ислама. Однако эти элементы испаряются в тех (более частых) контекстах, в которых озвучиваются страхи по поводу распространения исламистского экстремизма. Российское государственное телевидение служит площадкой, на которой воспроизводятся, испытываются, комбинируются и разбираются по меньшей мере три альтернативных версии русского национализма: евразийская версия, в которой традиционный ислам, якобы характерный для России, получает привилегированное место; изоляционистский вариант, отдающий привилегированное положение православным этническим русским и проявляющий антагонизм по отношению к (преимущественно мусульманским) мигрантам, и неоимпериалистическая версия, сосредоточенная на положении России как нации, ведущей за собой государство.

Реакция российского федерального телевидения на судьбу татар после присоединения Крыма следовала той же несвязной и беспамятной модели, которую мы наблюдали применительно к евразийству и другим темам. До и сразу после референдума, подтвердившего присоединение, неприятие татарами этого процесса часто трактовалось через призму исламистского экстремизма в крымском межджисе (в частности, упоминалось активное участие председателя межджлиса Мустафы Джемилева в Евромайдане). Несколько алармистские упоминания о том, что татары склоняются к идее объединения с Турцией, указывали на более широкий контекст, а

именно на российскую тревогу относительно подъема консервативного ислама в стране, которая граничит с постсоветским пространством. Это нашло свое отражение в неуверенном и двойственном освещении российским телевидением протестов против Эрдогана в Стамбуле. С течением времени призма экстремизма, не исчезнув полностью, уступила место подчеркнутому признанию необходимости решить вопрос исторических несправедливостей, совершенных против крымских татар, упору на их связи с «братьями» в Татарстане, оптимистичному изображению России, принимающей «новых мусульман» в свой многоконфессиональный народ, и наконец, прославлению Крыма как воплощения модели российской многонациональной и многоконфессиональной гармонии. После окончания нашего периода записей татарский вопрос продолжил медленно кипеть, и видно мало признаков того, что он скоро утихнет.

Российское государственное телевидение последовательно играет роль главной площадки, на которой разворачиваются различные трения и противоречия, обозначенные в данном докладе. Они скрываются за неустанной антизападной истерией и систематическим подавлением альтернативных политических точек зрения, что характерно для телевизионных новостей после украинского кризиса. В действительности они помогли сформировать позицию России в текущем геополитическом противостоянии в духе холодной войны, которое самым тесным образом связано с процессами, происходящими в сердце страны. Конечная судьба этого противостояния зависит от развития факторов, рассмотренных в данном докладе.

9. Приложение

РИСУНКИ

Рисунок 1: Частота и интенсивность новостного освещения этнических вопросов в процентном отношении ко всему новостному контенту

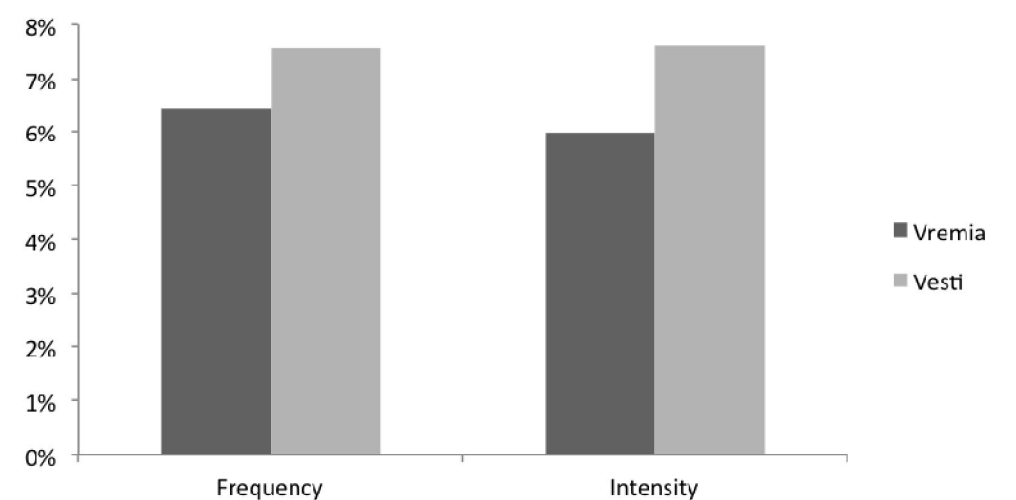

Рисунок 2: Частота и интенсивность новостного освещения этнических вопросов в разные периоды записи в процентном отношении ко всему новостному контенту: «Время»

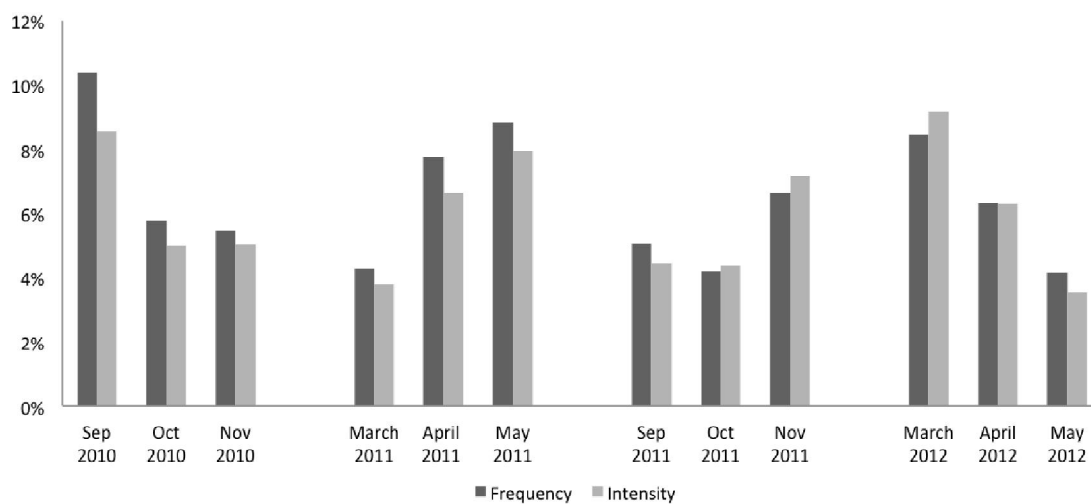

Рисунок 3: Частота и интенсивность новостного освещения этнических вопросов в разные периоды записи в процентном отношении ко всему новостному контенту: «Вести»

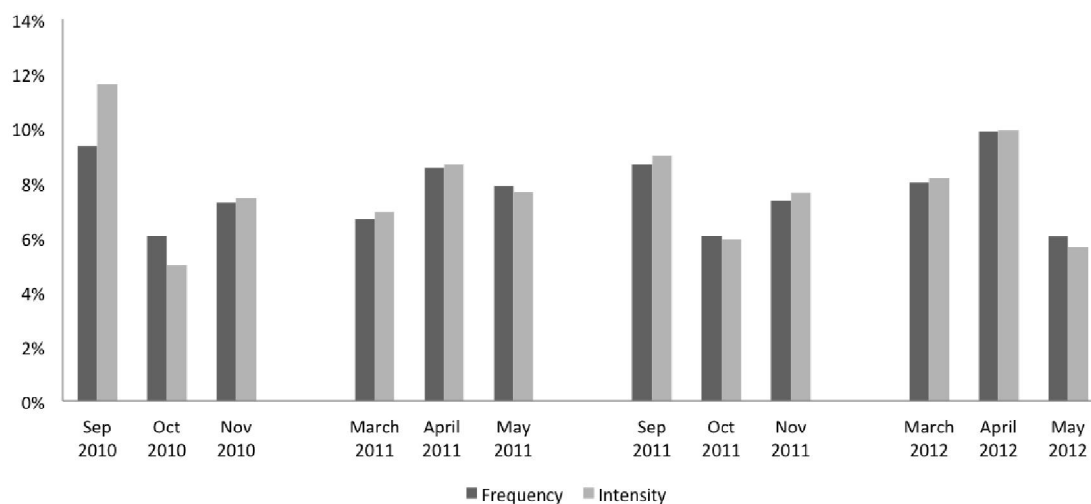

Рисунок 4: Выделенность этнических новостей: «Время» и «Вести»

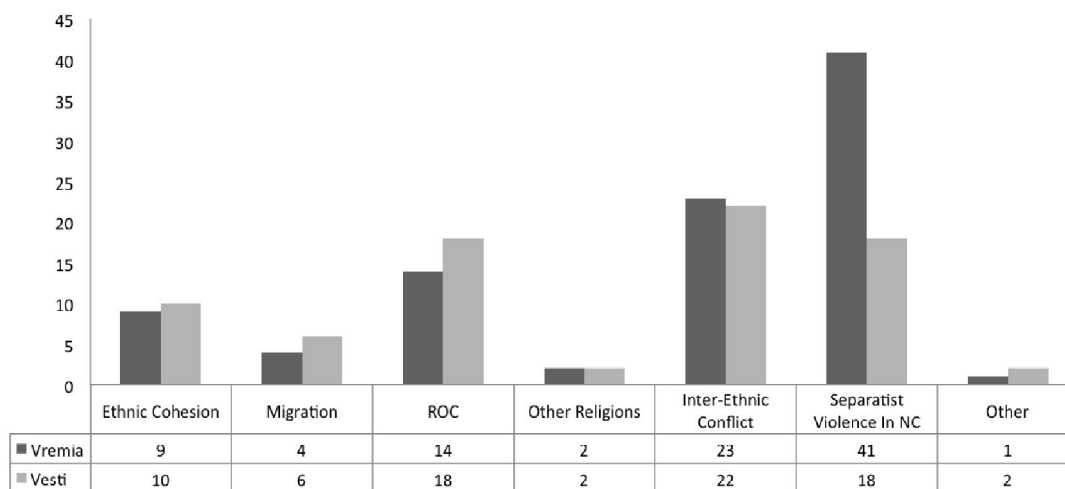

Рисунок 5: Интенсивность освещения каждой категории в процентном отношении ко всему объему этнических новостей: «Время»

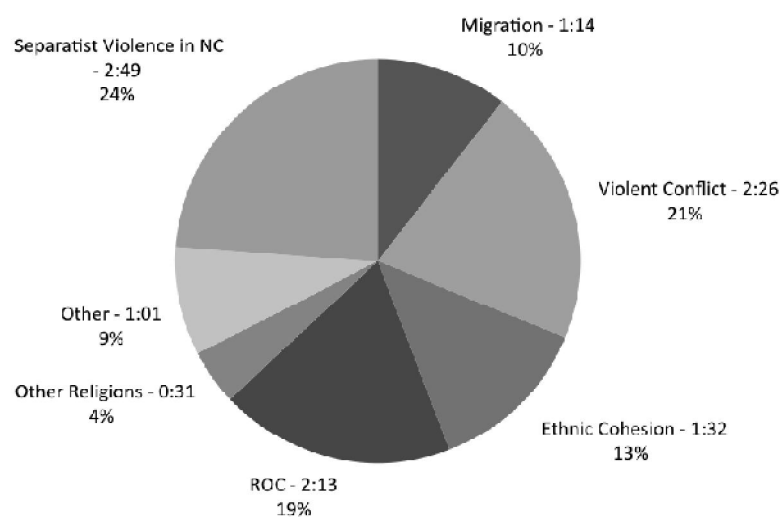

Рисунок 6: Интенсивность освещения каждой категории в процентном отношении ко всему объему этнических новостей: «Вести»

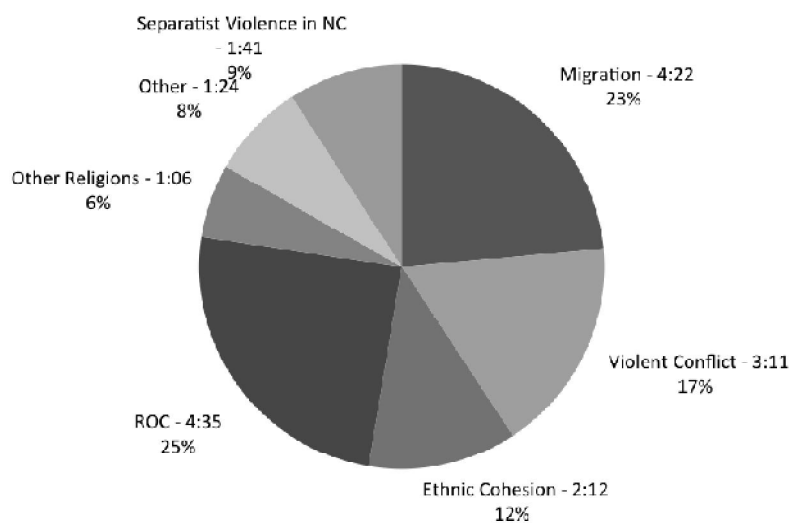

Рисунок 7: Связанные с исламом новостные сюжеты и новостное время в программе «Время» в процентном отношении ко всем новостным сюжетам и общему объему новостного времени, 16 мая – 16 июля 2013 года

